

18+

ИГРУШКА
В РУКАХ *Лолы*

Улана Зорина

Улана Зорина

Игрушка в руках Лоа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73552633

ISBN 9785006281950

Аннотация

Волей случая колдовской артефакт неимоверной силы попадает с африканского континента в постсоветскую Россию и оказывается в неподготовленных руках. Притаившийся в нём похотливый дух всеми силами стремится соблазнить и поглотить душу хозяина. Сколько бед успеет натворить древний демон? Как распорядится простой милиционер столь коварным подарком судьбы? И что же сумеет помочь сломить злобную силу чёрного колдовства?

Содержание

Часть 1	6
Маска Лоа	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	41
Глава 4	44
Глава 5	45
Часть 2	77
Месть загубленных Душ	77
Глава 6	78
Глава 7	103
Глава 8	110
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Игрушка в руках Лоа

Улана Зорина

*Не тот герой, кто кулаки сжимает,
И клич отважный издаёт,
А тот, кто молча побеждает
И ничего взамен не ждёт...*

*...и лишь Она лица коснётся,
Как Тьма в твоей душе
Проснется...*

Редактор Полина Иванова

Дизайнер обложки Юлия Васильева

Иллюстратор Улана Зорина

© Улана Зорина, 2026

© Юлия Васильева, дизайн обложки, 2026

© Улана Зорина, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0062-8195-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УЛАНА ЗОРИНА

МАСКА

*...и лишь она лица коснётся,
как тьма в твоей душе проснётся...*

LOA

Часть 1

Маска Лоа 1991 год. Африка

Бархатным покрывалом раскинулось небо над потаённым уголком жаркого континента. На широкой поляне, в самом центре утопанного тысячью голых ступней ритуального круга, торжественно и пугающе возвышался резной столб. Снизу доверху он был исписан мелкими письменами и внушал ужас и благоговение всем присутствующим. Вокруг поляны, на самой границе чётко отчерченного круга, пылали четыре костра. Чёрный густой дым, вырываясь из трескучего чрева голодного пламени, устремлялся ввысь, постепенно сближаясь с тремя такими же, образуя над ритуальной поляной ореол клубящегося купола.

У подножия столба стоял небольшой столик, устланный пальмовыми листьями. Толстая чёрная свеча, потрескивая, чадила тоненькой струйкой на самой середине причудливого алтаря. Прямо перед свечой на свежей зелени возлежала искусная белая маска. В причудливом танце живого огня она будто светилась, переливаясь перламутровым блеском, впитывая в себя аромат чадающей свечи. Слева от маски сто-

ял глиняный кубок, наполненный ромом с яркими кляксами жгучего перца. Рядом с ним притаилась тонкая белая свечка, теряясь в скоплении зелени листьев. Справа живописными кучками были разбросаны крупные зерна пахучего кофе и гордо сверкали два ритуальных ножа.

Маленькая старушка в белой хламиде густо разбрызгивала вокруг алтаря кровь зарезанного тут же чёрного козла, шепча мантрой заветное заклинание: «Папа Легба, открой ворота для меня! Открой ворота для меня, Папа, чтобы я могла пройти! Когда я вернусь, я отблагодарю Лоа!»

Снова и снова она повторяла прошение, постепенно повышая голос и убыстряя темп. На третьем витке её слова подхватил один барабан, на четвертом – другой, затем третий. Усеяв поляну рубиновыми каплями, она поставила кувшин на землю у изножья алтаря и склонилась над маской. Сухим трясущимся пальцем мамбо выводила кровавые знаки на глянцевом перламутре, то и дело макая руку в кувшин, и голос её сливался с ритмичными звуками:

«Запад – Мет Агве, повелитель огромного Океана, услышь меня!

Восток – Локо Ати Соу, владыка ветра, услышь меня!

Юг – Огоу, повелитель огня и кузницы, услышь меня!

Север – Дамбалла, владыка земли, услышь меня!»

Старческая рука твердо вцепилась в ножи и звякнула ими друг о друга. Вокруг пронеслось стройное: «АХ!» Тут же стройная чернокожая девушка подала женщине серебряный

колокольчик и стеклянную чашу с водой. Жрица медленно омыла в ней руки и сбрызнула водою алтарь. Затем торжественно позвонила в колокольчик перед собой и на все четыре стороны. Затем положила его в опустевшую чашу, туда же отправила горсть кофейных зёрен и плеснула ром с алыми стручками жгучего перца.

Барабаны резко утихли, и старая жрица, подняв ритуальное блюдо на вытянутых перед собой руках, громко произнесла: «Это для будущего!» Затем аккуратно переместила посудину за спину: «Это для прошлого!» Взяла чашу в дрожащую левую руку, едва не выронив. Испуганный вздох пронёсся за освещённым кругом, но мамбо лишь зыркнула в темноту, и ропот умолк.

«Это для материального мира!» – проскрежетал старческий голос, и, поставив на алтарь тяжелую для её древних костей ношу, жрица взяла в руки свечу. Мамбо вскинула голову вверх, и белый капюшон слегка сполз, приоткрыв сухой и сморщенный лик немолодой чернокожей женщины: «Пусть земля будет свидетелем, я отдаю должное силе всех Лоа. Этими действиями я устанавливаю связь с предками из прошлого, так, чтобы Лоа, знающие всё о моём прошлом, могли бы узнать моё будущее и указать мой путь!» Установив свечу на место, она подняла её белую сестрицу и, щедро сбрызнув ромом из чаши, осторожно подожгла ту от чёрной. «Барон Ла Круа! Хозяин кладбища! Маман Бригитт, королева мёртвых, прекраснейшая из женщин, исцелительница

больных! Брав Геде, первый из Предков, Папа! Приди сюда и прими эти подношения! Барон Самеди Брав Геде и мои предки! Я предлагаю вам еду и ром. Я предлагаю благоволения. Услышьте меня! Пошлите моей внучке сильного белого самца для рождения здорового вождя! Чтобы усилить кровь детей твоих, чтобы под его крепкой рукой племя продолжало служить вам и восхвалять ваши умения и силу!» Поднеся свечу к бликующей маске и сделав над той несколько пассов, жрица тщательно установила чадающий огарок на алтарь и птицей раскинула в стороны руки. Разом грянули все три барабана, а сторбленная фигура, пританцовывая, мелкими шажками двинулась вокруг горящих свечей и клубящейся тьмы в пустых глазницах перламутровой маски. Мамбо знала: надо хорошо танцевать, чтоб ублажить вызванного лоя, дабы он выполнил её просьбу. И, качнув головой, она повела за собой в ритуальном круге всё немногочисленное вырождающееся племя.

Глава 1

1996 год 1 Июля

Летнее утро радовало прохладой. Ещё не вскипевший от палящих лучей асфальт громко ухал в такт чётким шагам. Виктор любил прогуляться пешком до отделения. Утренний променад по знакомым и любимым с детства местам неизменно давал заряд положительных эмоций на весь длинный день. В такое время улицы почти пустовали: оголенные школьники уж месяц как прохлаждаются на каникулах, местные пьяницы ещё не повылезали из своих берлог, а молодые мамочки только просыпаются, чтобы с любовью заняться своими крикливыми чадами. Детей у следователя не было, впрочем, как и жены. В свои неполные тридцать он так и не встретил ту самую, за которой готов хоть на край света.

Чеканя шаг, он с наслаждением вдыхал свежий утренний аромат, наполненный цветочным благоуханием. То тут, то там аляповатыми пятнами раскинулись яркие клумбы. Нежные зонтики лепестков трепетно ловили ласковые лучи, купаясь в них и источая взамен сладостный фимиам. Звонкое чириканье пернатых городских обывателей не позволяло задуматься, проникая прямо в мозг и будоража ещё не совсем проснувшийся разум. Виктор поморщился, когда один из воробышков, лениво планируя, едва не задел его по ли-

ду серым пернатым крылом. «До чего ж обнаглели!» – пронеслось в голове у следователя. И, проследив возмущённым взглядом за забиякой, он заметил, как серый комочек нелепо плюхнулся в придорожную пыль. Горделиво раскинув вздрагивающие крылышки и не обращая внимание на несущуюся вслед ему брань, тот начал самозабвенно купаться в придорожной пыли. К нему спешно присоединялись собратья, и вскоре уже целая стайка, свистя и чирикающая, возилась на обочине, поднимая вверх клубы сухой взвеси.

«Это к дождю», – отметил про себя оперативник и, широко раскрыв дверь, скрылся в отделе.

Звонок застал Виктора за разбором планёрки, едва он покинул кабинет майора. Когда же он небрежно поднёс к уху трубку, кровь отхлынула у него от лица.

– А, что? Член? Какой член? В крови? Член партии? Кто? Не узнали? Не понял? Сейчас буду.

Бабка Анисья, как всегда поутру, спешила занять очередь за молоком, когда углядела на утоптанной дорожке сгустки свернувшейся крови. Конечно же, старушку охватило жгучее любопытство, и она, словно заправский следопыт, двинулась шаркающими шагами по следу. Далеко кантылять не пришлось, и вскоре на обочине узкой тропинки она и уперлась взглядом в искомое. Небольшой сморщенный кусочек плоти сиротливо валялся в пыли, собирая на себе жаждущих крови насекомых. Бабка пригляделась и тут же

согнулась в жестоком желудочном спазме. Вскоре вокруг уже собралась небольшая толпа, а самые ответственные побежали к телефонной будке, чтобы вызвать милицию и скорую любопытной старушке.

Уже через час всё отделение стояло на ушах. Прорабатывались тысячи версий, откуда на пешеходной тропинке мог оказаться отрезанный мужской половой орган. Сыщики спешно обзванивали больницы и морги в поисках пострадавшего. Поисковые группы кружили по близлежащим улочкам и скверикам в надежде наткнуться на хозяина причиндалов, но всё было тщетно. Мужчина, казалось, сквозь воду канул, оставив свой наиважнейший орган разлагаться в одиночестве.

Капитан милиции, Воронков Виктор Степанович, был назначен следователем по этому делу, что сначала его обрадовало, но затем насторожило, поселив в душе оперативника кучу сомнений. За всю свою долгую службу в органах он впервые столкнулся со столь вопиющим случаем членовредительства. Коллеги опера ехидно посмеивались над капитаном: делали большие глаза и забавно чикали пальцами, изображая ножницы. Виктор краснел и злился, но майор Панюков, начальник отделения, положив на плечо подчинённого твердую руку, лишь повторял: «Не кипятись, Вить. Ну кому я ещё доверю это дело?»

С майором Виктор начинал свою службу ещё в далёком 1985 году и привык полностью доверять своему старшему

товарищу. Седовласый властный мужчина с внимательными и хитрыми глазами цвета холодной стали стал для молодого тогда ещё лейтенанта единственным и непоколебимым прообразом советского милиционера. С тех пор немало воды утекло, а Воронков, теперь уже капитан, до сих пор старался ровняться на старшего товарища и командира.

Сам же он, невысокий, плотный, спортивного телосложения тридцатилетний мужчина с пронзительными зелёными глазами и коротким ежиком тёмных волос, с недавнего времени перестал пользоваться вниманием у слабого пола. Личную жизнь ему полностью заменила работа. Нередко оперуполномоченному приходилось задерживаться допоздна на службе или вообще ночевать в своем кабинете. Семьей Виктор так и не обзавёлся. А всё потому, что в результате неравной схватки с отчаянным преступником ему сломали нос, и теперь он был нелепо свёрнут набок, что ни в коем разе не украшало незадачливого оперативника. Сначала его пытались лечить и даже почти вправили хрящ, более-менее скрывая увечье, как снова борьба, и вновь удар по носу. Хрящ вдребезги, и спасибо светилам тогдашней науки, что вообще сохранили нелепый отросток, позволяющий шумно, с присвистом дышать. Конечно же, женщины в жизни капитана милиции были, но не та самая единственная, готовая принять Виктора таким, какой он и есть: невыразительным сбитым мужчиной с уродливым набалдашником вместо носа. Если вы думаете, что его внешность не задевала чувств

капитана, то вы ошибаетесь. Он, конечно же, не рыдал ночами в подушку, проклиная злодейку судьбу, но и счастливым не выглядел тоже. В душе Виктора бушевал торнадо. Мужчина с рвением злобного пса хватался за каждое дело. Рвал и метал, грыз землю зубами, стараясь отомстить за себя и свой нос всему скрытому преступному миру. Только вот почему-то это преступление встревожило следователя, поселило в душе его непонятное смятение и заставило нервно встопорщиться волоски на руках. Он удивлялся, что же такого в этом, на первый взгляд, обычном, хоть и неординарном деле, но так и не смог понять. Однако работать надо.

Уже вторые сутки дневал и ночевал капитан в отделении, проверяя каждое заявление, цепляясь за любую тонкую ниточку в надежде распутать преступный клубок. Если бы Виктор имел семью, жена бы давно его выгнала из дома за столь явственное пренебрежение к семейным обязанностям в пользу поглотившей его с головой службы отечеству. Начальство требовало новостей, а таковых у Виктора не имелось. Как говорится, глухарь, то есть следствие зашло в тупик.

Глава 2

1991 год

Едва покинув самолёт, он словно шагнул в только что нагретую сауну. Рубашка разом прилипла к спине. Не помогал и порывистый ветерок, кидавший в лицо сухую незримую взвесь. Мужчина обречённо вздохнул. Он уже позабыл, насколько разительно здешний климат отличается от привычного Центрального Черноземья России.

Пока быстрым шагом добрался до аэропорта, он весь вымок и выдохся, будто бы переплыл глубокую реку кипящей воды под беспощадным африканским светилом. В эту страну, подобную жаркой бане, он прилетел на конференцию эндокринологов и теперь лихорадочно крутил головой, стараясь стряхнуть с себя пелену горячего пота. Нет, так дело не пойдёт. Скорее бы заселиться в гостиницу и сменить строгий костюм на что-нибудь более лёгкое.

Её он заметил ещё в аэропорту. Хрупкая и тоненькая, как голая осенняя веточка, она одиноко стояла у окна и внимательно вглядывалась в лица разношерстной толпы, нахмурив высокий лоб и прикусив пухлую губку, словно бы искала кого-то. Розовое блестящее платье плотно облегалo стройную фигуру. Оно обтягивало девушку, как вторая кожа, переливаясь в лучах заходящего солнца тысячью драгоценных камней. Юбка же, облепив широкие бёдра, плавно переходила

дила в пышный волан. Кожа девушки тёмная, почти чёрная, блестела мягким гляncем, и у него от желания прикоснуться к ней задрожали руки. Он судорожно вздохнул и до хруста сжал кулаки. Мужчина нервно вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и, словно загипнотизированный, двинулся к девушке, пытливо вглядываясь в прекрасное лицо незнакомки. Глаза их встретились, и он с головой ухнул в чувственные котлы кипящей смолы. Андрей будто бы потерял голову. Его мгновенно закружил водоворот пылающих глаз. Там, в самой их глубине, он явственно чувствовал жгучее желание и обещание чего-то огромного и таинственного. На грани слышимости возник лёгкий шёпот, шелест мягкой травы под босыми ногами, трепет сочной листвы. Всем своим существом эндокринолог ощущал нежные поцелуи тёплого ветра, ласковые касания мягких ладоней и будоражащее кровь возбуждение. Околдованный жаркими чарами, он готов уже был бежать к ней, лететь на крыльях любви, отбросив в стороны все сомнения и тревоги. Лишь только коснуться бы смоляных кудрей, утонуть в пламени глаз и слиться в зверином танце первобытной страсти.

– Вы уже получили свой багаж? – прервал его молодой служащий на ломаном русском.

– А... нет... – нить взглядов натянулась, истончилась и натужно лопнула. Мужчина застыл и растерянно уставился на паренька.

– Будьте внимательны, сэр, тут могут украсть, – тщатель-

но выговаривая слова, служащий поправил форменную шапочку и на прощанье сверкнул белыми зубами в мимолётной улыбке.

– С-спасибо, – проямлил растерянный эндокринолог и вновь вскинул ищущий взгляд. Темнокожей девушки уже нигде не было.

Андрей Петрович расстроено буркнул и нахмурил белёные брови: он всегда был равнодушен к женскому полу, но то, что он испытал минуту назад, не поддавалось его пониманию.

Страна в долгий период застоя казалась несмысленным карапузом в обособленной закрытой песочнице. А теперь, когда к власти пришёл энергичный Михаил Сергеевич и объявил перестройку, спокойная жизнь в болоте, коим тогда и был Союз, быстро закончилась. Сильные мира сего получили свободу и власть, а слабые и бедные по уши увязли в безденежье, в опустевших магазинах, в талонах на хлеб, сахар и даже спички. Зарплаты не платили месяцами, и унылый совковский люд, потеряв всякую надежду на помощь властей, стал выкручиваться, как мог. Вот тогда предприимчивые толстосумы и пооткрывали разные кооперативы. Появились одежда, продукты и даже частная медицина. Из нищих государственных поликлиник врачи, радостно откликнувшись на зов денежных акул, быстренько переметнулись на более высокооплачиваемые места. Таким был и Андрей

Петрович. Трудясь всю свою жизнь в городской больнице эндокринологом, он едва ли сводил концы с концами. А ведь у него молодая и красивая жена, которой постоянно требуется всё больше денег. Повстречав как-то раз своего давнишнего приятеля и одноклассника, он с удивлением и неудовольствием узнал, что тому повезло в жизни гораздо больше самого Андрея. Благодаря связям папаши, тот сумел открыть свою кооперативную клинику и сейчас как раз набирает туда штат врачей. Не раздумывая, Андрей бросил опостылевшую работу и с радостью перешёл под крыло более удачливого приятеля на тёплое и прибыльное местечко. О чём так ни разу и не пожалел. Дела в клинике шли на редкость успешно. Благодаря новым Кашпировским и Чумакам, народ с радостью поддался западному влиянию нетрадиционной медицины и, минуя мрачные застенки поликлиник, потянулся в просторные и светлые стены частных кооперативных лечебниц, где предприимчивые доктора предлагали всевозможные кремлевские таблетки и магические магнитные браслеты.

Вскоре уже не молодой, но всё ещё подтянутый эндокринолог выгодно приобрёл собственное жильё, по-царски оставил квартиру на радость молодой и холёной рыжеволосой красотке. Женился Андрей лишь для статуса. Конечно, он любил жену, по-своему, что не мешало статному красавцу вести счёт своих многочисленных побед на любовном фронте, в тайне от второй половины. Жена его, Ната-

лья, стройная двадцатичетырехлетняя женщина с пронзительными изумрудными глазами, наконец-то смогла исполнить свою мечту и уйти с ненавистной работы. Теперь она, как королева, сидела дома, купаясь в лучах славы частной клиники, где, как пчёлка, с утра до вечера трудился её благодетель. И только лишь подозрения в изменах любимого омрачали её безупречно прекрасный лик. Наташа догадывалась о пристрастии мужа к слабому полу, но точно уверена не была. У девушки никогда не было недостатка в поклонниках, но видный высокий блондин покорила её сердце. Немаловажную лепту в выбор студентки внесла и профессия избранника. Девушка всегда была равнодушна к мужчинам в белых халатах. А если он был надет на плечистого высокоблондина, то Наташа вообще млела.

1991 год

Аюллания стояла в аэропорту, подрагивая всем телом, не сводя глаз со светлокожих толпящихся иностранцев. Голова у неё гудела. Последний день. Завтра уже полнолуние, а она так и не нашла отца своему будущему ребёнку. Девушка больно закусил губу, и влажная пелена заслонила взор. По традиции её племени отцом будущего вождя обязательно должен быть сильный белый мужчина. Девушка тщетно бродила по городу, полному туристов, выискивая свою жертву, но, как на зло, попадались либо мулаты, либо тощие и совсем не подходящие представители белой расы. Девушка очень волновалась. Старая мамбо провела обряд с маской и вы-

звала сильного лоа, пути назад уже нет. Девушка, нахмурившись, в отчаянии прикусила губу. Ей ни в коем случае нельзя подвести бабушку. Даже если придется отдаться противному хлюпику, она это сделает. Ребёнок обязательно должен быть белым. В её племени считалось, что кровь белокожего партнёра принесёт благоденствие и защиту от тёмных сил на долгие годы. В других племенах вожди обмазывались белым, чтоб казаться достойными в глазах соплеменников и привлечь добрых духов-защитников. В её же племени пошли дальше. Старейшины были уверены, что лоа не обманешь молочным налётом на коже, кровь должна обновляться внутри, принося с собой новые всплески энергии, связывающие африканских детей с древними духами.

В глубине души Юлла надеялась на помощь вызванного лоа и, не мигая, всматривалась в пассажиров. Вот сердце её пропустило удар и радостно ёкнуло, а взгляд утонул в глубокой синеве широко распахнутых глаз. Мужчина был великолепен. Высокий подтянутый блондин с широкими скулами и выдающимся массивным подбородком. На гладких щеках его красовались две кокетливые ямочки. Юлла замерла, как кобра, приглядываясь к добыче. В ретивой душе девушки клубились противоречивые чувства. Блондин был уже явно немолод, но всё ещё годился для её планов. Девушка улыбнулась иностранцу и, не отводя глаз от его лица, стараясь не потерять тонкую нить, связавшую взгляды, порывисто зашептала:

«Пусть солнце укроет могучий прибор, а ты, бледнокожий, навеки будь мой! Пусть горы развернут нам недры свои, а ты будешь мой, на других не смотри! Пусть ветер и жар обоймут пеленой, а ты на край света пойдешь вслед за мной!»

Так, не сводя чёрных глаз с оцепеневшего мужчины, девушка шагнула к выходу, а тот, словно на прочной веревочке, потянулся за ней. Но вдруг молоденький мулат в форме служащего аэропорта перекрыл канал взглядов, невольно отсекая жертву от хищницы. Юлла смачно выругалась и, нахмурившись, скрылась в толпе. «Надо же, – подумала она, – в самый неподходящий момент появился этот мальчишка, но ничего...» Тут же лицо африканки вновь засияло, скоро придёт и её время. Всем известно, в какой гостинице останавливаются иностранные гости, а уж там им никто не помешает.

1991 год

В душе его властно ворочалась пустота, а в крови зрел коварный недуг. Страстный любитель женщин, он не чурался беспорядочных связей, за что обречён был понести наказание свыше. Но это потом, а сейчас...

Мужчина уже и не думал о скором симпозиуме, перед его глазами стоял лишь пылающий взгляд незнакомки. Выйдя из аэропорта, он снова с головой окунулся в удушливый зной. Закатное солнце палило нещадно, спеша напоследок изжарить незадачливых гостей благословенной страны.

Мужчину тут же облепила кучка голопузых мальчишек, щебечущих что-то невнятное, но очень жалобное. Он вяло отмахнулся от чернокожей стайки, ища глазами такси покомфортней. С облегчением усевшись в автомобиль, он не испытал желанного облегчения. В машине было так же душно, как и на улице. Скинув дорожный пиджак, Андрей тяжело выдохнул, утирая с лица липкий пот, и покосился в окно. Толпы народу шатались по улице, не обращая внимание на убийственную душиловку. Но он искал лишь одну. Шаря глазами по чёрному глянцу, он то и дело натыкался на жгучую ненависть в блестящих глазах, на перекошенные злобой потные лица, на тощие протянутые к нему руки и кривящиеся искусанные губы. Но именно той, кто нужна – не было. Уголки губ мужчины опустились уныло вниз, а в глазах померк огонёк надежды. А ведь только недавно казалось, что жизнь вновь прекрасна и вдали от вечно нудящей жены он снова сорвёт экзотический страстный цветок.

Такси дёрнулось, едва не сбив тощего паренька. Тот, злобно хлопнув по капоту ладонью, суетливо продолжил свой путь. «Вот же люди, как они только терпят такую жару?» – не переставал удивляться эндокринолог, таращась на никак не спадающую активность местных жителей. Вот, наконец, и отель.

Спешно заселившись в забронированный загодя номер, он метался из стороны в сторону, как дикий зверь по тесной клетке. То рыча, подобно раненому тигру, то хватаясь за во-

лосы в безуспешной попытке вырвать из мыслей чарующий образ.

В дверь номера постучали. Одним широким шагом мужчина преодолел расстояние и распахнул сотрясающуюся створку. Перед ним заискивающе топтался молодой юноша и, тыча пальцем в запястье, что-то не разборчиво бормотал. Андрей нахмурился, стараясь понять, что от него хочет этот кривляка, но тут же, уловив знакомое слово, осознал. Врачи... встреча в ресторане гостиницы. Тот самый симпозиум. Лицо его разгладилось и, пробормотав: «Спасибо, скоро буду», – он поспешно захлопнул дверь. Собирался мужчина недолго. Приняв душ, он сменил дорожный костюм на более легкую пару и с неясным сожалением покинул одинокий безрадостный номер.

Яркие огни ресторана слепили не хуже палящего солнца, отражаясь в натёртом до блеска стекле. Широкие панорамные окна чёрными зеркалами отражали аляпистую действительность. У одной из стен, будто трибуну в ожидании красноречивых ораторов, выдвинули столик. Седой старичок медленно прошаркал туда, неся в трясущихся руках высокий, наполненный до половины бокал.

Заняв место за столиком, он сухо прокашлялся и, взяв со стола серебристую вилку, звякнул несколько раз по фужеру.

– Дорогие мои коллеги! – голос его сорвался в попытке

перекричать поднявшийся гвалт. Отпив глоток рубиновой жидкости, старик ещё раз прочистил горло и невозмутимо продолжил. – Я очень рад приветствовать вас на очередном нашем симпозиуме!

Речь текла гладко и без запинок. Андрей, чуть склонив голову на бок, внимательно следил за присутствующими, стараясь прислушиваться к монотонному голосу выступающего. Некоторых он помнил ещё по прошлым встречам, а некоторых видел впервые. Разнообразие лиц, кривлянье улыбок, сухие смешки – всё это не смущало оратора. Он, словно ледокол, разрезал пространство поставленным голосом. Задумавшись и засмотревшись на пестроту просторного зала, Андрей упустил тот момент, когда сменился докладчик. Когда он метнул взгляд к столу-трибуне, там уже был совсем другой человек. Молодой энергичный мулат с тонкими чертами лица и чёрными пылающими глазами вызывающе улыбался толпе. Голос его звучал живо и звонко, но Андрей не разобрал и словечка. Лишь одного взгляда в асбестовый омут хватило мужчине, чтоб вспомнить другие глаза. Такие же глубокие и чарующие, с нежно-голубой поволокой. Влекущие в самую бездну, обещающие незабываемое чувственное наслаждение. По телу мужчины пробежала мелкая дрожь и свернулась в тугий горячий комок где-то внизу живота. Этот пульсирующий сгусток всё ширился и разрастался, заставляя солидного эндокринолога всё больше нервничать и чувствовать себя неудобно. Со жгучим желанием рос-

ла и неловкость.

Встреча затянулась, и мужчина заметно заерзал, привлекая к своей персоне ненужное внимание. Слушая бесчисленные выступления коллег, Андрей был мыслями далеко от рабочих моментов. Ото всюду ему чудился прекрасный чёрный лик и пухлые неестественно красные губы. «Да что это со мной?» – встряхнулся он в очередной раз, провожая потухшим взором стройную официантку, за которой в другой раз с радостью приударил бы, а в этот – и мысли не допускал. Жар его плоти жаждал лишь ту, которая так и витала перед мысленным взором, отвлекая врача от насущных и важных бесед. Снова неловко заёрзав, Андрей с горечью осознал, что этот симпозиум прошёл мимо него.

Встреча плавно сменилась поздним ужином, и уже затемно все разошлись по своим номерам. Андрей ушёл одним из первых, хотя обычно надолго задерживался вместе с кучкой весёлых коллег, не прочь пропустить по стаканчику. В этот раз его не манили молодые, пышущие жаром тела девиц, разом заполнивших ресторан. Не влекло море дармовой выпивки, неуместные на Родине шутки раскрепощённых коллег и полная свобода от нравственных рамок. Он торопился к себе в тесный и мрачный номер, спеша вновь предаться мечтаниям о таинственной незнакомке.

Лишь только перешагнув порог, он сразу ощутил дурманящий аромат. Неизвестное густое амбре бешено взбудоражило кровь, заставляя вязнуть и путаться мысли. Уже плохо

сознавая себя, мужчина ввалился внутрь номера в ожидании сладостных предвкушений, волоски на коже его стали дыбом. Она была уже там. Белки жгучих глаз будто светились в тусклом сиянии города, живущего ночной жизнью. Не веря своим глазам, он застыл у кровати, где, раскинувшись, как звезда, возлежала его незнакомка. Счастье огромным цветом распустилось в душе. Она здесь. Она нашла его! Она принадлежит только ему! Ликующий рык восторга вырвался из стеснённой груди и взметнулся ввысь, сметая преграды советского воспитания. Спешно срывая одежду, он безрассудно кинулся в омут, бездумно отдался зовущим рукам, горящим глазам и жарко шепчущему красному рту.

Затем всё было словно во сне. Волшебные умелые ласки, лоск нежной антрацитово́й кожи, шелковистые короткие завитушки кудрей и руки... руки по всему телу. Лёгкие касания тонких пальчиков на пылающем естестве. Словно крыльями бабочки проскользнули по разуму отброшенные прочь сомнения. Это тело, это немислимо прекрасное мягкое тело в его крепких и жарких руках. Бесстыдно распахнутая раковина розовой плоти, влажная и манящая. Андрей потерял голову, потерял самого себя, потерял свою бессмертную душу.

Утром он проснулся в желанных объятиях, сердце его ликовало. Ещё долго лежал он, боясь шевельнуться и спугнуть своё нечаянное счастье. Жадным взглядом он пожирал тонкие черты лица темнокожей прелестницы. Маленький акку-

ратный носик, кокетливо вздернутый вверх, придавал лицу озорной вид. Высокий и гладкий лоб девушки заканчивался крутыми блестящими кудряшками, как из детского мультика про парходик. Огромные смоляные ресницы бархатным веером покоились на нежных щеках. А пухлые пунцовые губы, казалось, стали ещё больше от ночных ласк и жарких поцелуев. Андрей невзначай легонько коснулся их кончиком пальца и вздрогнул, ощутив податливую мягкость нежной плоти. Глаза девушки распахнулись. И он, замерев на мгновение, с новой силой рухнул в водоворот первобытной страсти.

Чуть позже, пока девушка принимала душ, он незаметно установил в номере видеокамеру, которую имел привычку брать с собой в поездки, чтобы снимать свои личные подвиги. Аюллания вышла вся мокрая, не потрудившись воспользоваться полотенцем, и со звонким чарующим смехом принялась танцевать вокруг обескураженного мужчины. А затем он слизывал каплю за каплей с её дивной кожи, продвигаясь всё ниже, совсем позабыв о заказанном в номер завтраке. Ведь там, в самом конце пути по черному лабиринту, скрывается в глянцевых складочках нежнейший, призывно разверзшийся розовый потаённый бутон.

Весь день Андрей ставил рекорды в постели, сам удивляясь своей странной выносливости. А к вечеру девушка заволновалась и принялась одеваться. Совсем потерявший голову русский в ужасе подскочил к своей сказочной фее, хватая за тонкие запястья, не желая её отпускать.

– Нет... Нет... – шептал он в горячке, целуя розовые ладошки и умоляюще заглядывая в чёрные омуты. – Не уходи... Останься со мной...

Девушка лишь улыбалась в ответ на его панику и что-то призывно шептала. Прижав к вздрагивающей от рыданий груди юную птичку, он осыпал поцелуями её волосы, вдыхал её запах, стараясь запомнить его, слиться с ним и остаться навек в её теплых объятиях. Девушка мягко отстранилась и, скинув точное личико, тихо шепнула:

– Иди за мной... – из её сладких уст это вырвалось песней, и он, не раздумывая, кинулся одеваться.

Через какое-то время озадаченный портье наблюдал, как чернокожая девушка в розовом сверкающем платье, словно барашка на привязи, ведёт за собой статного русского гостя. Встретившись с глазами с настороженным служащим отеля, Юлла улыбнулась и шепнула одними губами на непонятном Андрею чарующем языке: «Не волнуйся, он утром вернётся».

Луна низко висела на бархатном небе, ярко освещая действия на широкой поляне. Тёмный, густо усеянный звездами купол грозно нависал над собравшимися, вбирая в себя яркие всполохи пылающего костра. Словно ненасытная утроба, он всасывал звездопад искр и немилосердно чадящий густой чёрный дым, тщательно перемешивая их и возвращая на землю глухими утробными звуками. Казалось, са-

мо пространство наполнено басовитым гулом, перемежающимся с ритмичным стуком трёх барабанов.

Старая мамбо, заунывно шепча заученные намертво слова, медленно покачиваясь, пританцовывала вокруг ритуального столба, поливая землю водой из вычурного кувшина.

– Папа Легба, отвори ворота и дай мне пройти. Отвори ворота, чтоб я могла возблагодарить лоа!» – шептала старуха.

Трое барабанщиков в чёрных костюмах блаженно выступивали каждый свой ритм, создавая неповторимую мелодию волшебства, погружающую присутствующих в транс. Вокруг поляны приплясывали люди, низко наклонившись к земле и тихонько напевая тягучие мантры. Именно их песнопения и создавали басовитый вибрирующий фон, окутывая таинство ритуала волшебной пеленой торжественности.

Когда кувшин опустел, мамбо взяла другой и пошла по второму кругу, посыпая пространство мукой, выводя на земле причудливые символы-веве.

Закончив со своей кропотливой подготовкой, старая жрица, запрокинув голову к чёрному небу, прокричала в темноту песню-прошение, обращённое к лоа.

На поляну высыпали разодетые в белое чернокожие женщины и мужчины в строгих костюмах. Под ритмичный стук барабанов начались бешенные ритуальные пляски.

Очнулся Андрей внезапно. Только что в своём номере он прижимал к себе девушку, а уже под полнобокой слепящей луной кружит вместе с ней среди множества людей у высо-

ченного столба. Кто-то протянул ему глиняный кубок, и он послушно отпил добрый глоток. Во рту словно взорвалась бомба. Все чувствительные сосочки на языке будто взбесились, передавая мозгу всё разнообразие вкусов от медовой сладости до сводящей скулы невероятной горечи. Лицо мужчины непроизвольно скривилось, а язык липкой змеёй вывалился изо рта. Девушка крепко взяла его за руки, не давая шарахнуться в сторону. Ладони её тёплые и мягкие, в свете луны они кажутся шоколадными. Мгновенье, и она уже тянет его в центр круга из белых и чёрных одежд. Лица темнокожих танцоров сливаются, почти растворяясь во тьме. Вокруг пылают небольшие костры, скорее для антуража, чем для освещения ритуальной поляны. Они шумно трещат и густо дымят, сплетаясь где-то вверху своими чающимися душами, очерчивая в центре манящее ложе из мягких шкур.

Внезапно Андрей ощутил дрожь во всём теле – это с него сняли одежду. Голова стала ватной, в ушах бухала кровь, опасно смешиваясь внутри одурманенной жертвы в причудливую зажигательную смесь с ритуальным ритмом вековой древности. Грудь медленно, но верно переполняло ликование. На гребне жгучей волны несло на вершину блаженства. Раздался пронзительный крик петуха и тут же прервался. Женщины в белых одеждах увлекли русского в центр и, нежно щекоча тонкими пальцами, уложили на шкуры. Обнажённое тело мужчины изнемогало от желания, а маленькие

женские ладошки, массируя каждый натянутый мускул, всё сильнее искушали, будоражили, продлевали мучения плоти. Вот уже всё тело его было расписано кровавыми письменами, и, подобострастно склонив головы, женщины отступили. Андрей дёрнулся было за ними, но был остановлен властной рукой. Старая жрица повелительно указала на шкуры, и Андрей безропотно подчинился. Сейчас у советского эндокринолога и в мыслях не было перечить кому-либо. Его сущность была полностью подавлена и подчинена суровому племени чёрных детей южного континента. Он откинулся на спину и попытался расслабиться. Голова была легкой, словно воздушный шарик, и такой же пустой. Перед глазами мелькали огни, кружась в зажигательном ритме. Андрей неистово стиснул зубы. Каждая жилка напряжённого до тянущей боли тела жаждала прикосновений. Мужской орган торчал едва ли не твёрже столба, под которым расположился мужчина. Желание и похоть заполнили разум, и он нетерпеливо заёрзал на шкурах. Мысли вспыхивали и таяли в голове, как снежинки на жгучем песке. Вот ритм барабанов сменился, ускорился, и над мужчиной склонилось лицо. Белая маска, без единой морщинки. Он только успел удивиться, что она сидит как влитая без каких-либо креплений, как тёплые нежные руки коснулись напряжённого органа. Крепко сжали, обещая блаженство, и он, не выдержав, застонал от непередаваемого наслаждения. А дальше началось такое феерическое безумие, что Андрей совсем потерял связь с ре-

альностью.

Разбудили его, когда на востоке небо приподняло свою мрачную ночную завесу. Воздух очистился и чуть посвежел, если это вообще было возможно в жарких широтах.

Двое чернокожих суровых мужчин в измятых костюмах бесцеремонно бросили Андрею его одежду, не обращая внимания на сладко сопевшую рядом девицу. Белая маска сиротливо лежала рядом с головой его вчерашней искусительницы, как сброшенная шкура после ночного безумия. Спешно натянув брюки, он накинул на плечи рубашку, а пиджак оставил в руках. Провожатые, грозно махнув оробевшему белому мужчине, не оглядываясь, потянулись вперёд, прочь от смятых одежд, беспорядочно наваленной кучами, от потухших костров, от ночного безумия, оставившего в воспоминаниях жертвы неясный тревожащий след. Андрей озадаченно осмотрелся и, воспользовавшись мгновением, сгрёб приглянувшуюся вещь, укрыв пиджаком. Он был яростным ценителем разных культур, и ещё одна маска, пусть и такая обычная, будет не лишней в его многочисленной коллекции. Мимоходом он покосился на девушку. В душе едва шевельнулись прежние чувства, но тут же утихли. Сейчас она уже не дурманила взор, не заставляла знойно сжиматься от желания чресла. Магия колдовства Вуду угасла, и перед ним лежала обычная юная афроамериканца с блестящей глянцевой кожей и короткими завитками антрацитово-чёрных во-

лос. Мужчина нахмурился и скривился, понимая, как бездарно потратил отпущенное на встречу с коллегами время, но тут же одернул себя. Такой чёрненькой в его многочисленном списке побед ещё не было.

Позже, уже в самолете, Андрею и вовсе почудится всё происшедшее сказочным сном. И лишь белая ритуальная маска, тайком вывезенная из жаркой Африканской республики, станет единственным реальным напоминанием о былой вакханалии под огромной луной. Но и она со временем померкнет, забудется, сиротливо вися на стене, сольётся с окружающими её такими же причудливыми сувенирами.

1991 год

– Дорогой, ты скоро приедешь? Мне позвонила Наташа, опять они с Андреем ругаются. Схожу на часок к ней. Попробую их помирить.

– Хорошо, милая. Буду, как всегда. Завод опять стоит, одни мы пашем. Слава богу, а то, боюсь, и нас остановят, тогда совсем без денег останемся. – Сергей положил на рычаг трубку и, кивнув вахтеру, поспешил назад в шумный цех.

Аня было отзывчивой и скромной девушкой. За все годы в меде она обзавелась лишь одной подругой. Яркая и цветущая Наташа всегда затмевала скромную русоволосую мышку. Она, как торнадо, врывалась в аудиторию, принося с собой шум и хорошее настроение. Казалось, что у рыжеволосой и зеленоглазой красотки оно было всегда на высоте. Все

удивлялись, что связывает таких разных девушек, а это была просто крепкая дружба. Девушки дополняли друг дружку. Всегда тихая Аня не давала эмоциям Наташи вырваться через край, всегда усмиряла её чересчур бурный нрав. Когда на последнем курсе Наташа неожиданно выскочила замуж за красавца эндокринолога, никто и не удивился. Аня же, отучившись, пошла трудиться в государственную поликлинику. Там она познакомилась с электриком с местного завода, проходившим ежегодную медкомиссию, и у них закрутился тёплый, уютный роман. Вскоре молодые тихонько поженились и мирно уединились в своем скромном мирке. Однако дружбу девушки так и не прерывали. И сейчас, когда Наташа пожаловалась подруге на своё горе, Аня безропотно понеслась к ней в надежде спасти эмоциональный союз.

Дверь ей открыла рыдающая Наташа. Андрей только недавно вернулся с очередного врачебного симпозиума и, казалось бы, супруги должны бурно отмечать воссоединение, а они, наоборот, разругались.

Скинув легкие босоножки, Аня по привычке окинула взглядом стены уютной прихожей. Она всегда, затаив дыхание, разглядывала квартиру подруги. Вот и сейчас глазами скользнула по рельефным стенам, оббитым красным деревом и увешанным всевозможными яркими масками, почувствовав, как замерло сердце, Девушка не разбиралась в культуре разных стран, но она понимала, что обширной коллекции Андрея позавидовал бы любой музей. Кроме масок, сте-

ны украшали яркие гобелены, сверкающие ножи и причудливой формы кинжалы. Взгляд её зацепился за белую маску. «Хм, это что-то новенькое. В прошлый раз её тут не было», – отметила про себя Аня, проходя вглубь квартиры. Хмурый Андрей восседал на диване, а из включенного телевизора слышались шумные вздохи.

– Нет, Ань, ты только глянь, на какие встречи летает мой благоверный! Да ты гляди, не отворачивайся, и ты смотри! – повернулась Наташа к сконфуженному супругу. Он совсем позабыл, что записал на видео свои развлечения в номере. Обычно с ним такого не случалось, и он тщательно прятал кассеты от жены, а тут такой конфуз. Он как чувствовал, что что-то не так было с этой поездкой. Вместо того, чтобы душой отдохнуть за границей, вернулся он какой-то растерянный и опустошённый.

Аня, стыдливо обхватив ладонями щеки, во все глаза пялилась на лоснящуюся чёрную кожу молодой женщины, извивающейся на подтянутом обнажённом Андрее. Ей было невыносимо стыдно смотреть на это, а тем более слушать.

– Наташа, ну зачем ты себя так мучаешь? – повернулась она к подруге. – Выключи эту... это...

– Нет, – рявкнула девушка, потряхнув рыжей гривой. Она лихорадочно швыряла вещи в дорогой чемодан. Щеки её пылали праведным гневом, – как ты не понимаешь, у меня было столько поклонников, а я выбрала это ничтожество! Мне же говорили, Ань, – порывистым движением она сжала хруп-

кие плечики худенькой девушки и заглянула той в самую душу, – меня же предупреждали, что этот кобель ни одной юбки не пропускает, а я то, наивная! Думала, что мне невозможно изменить, а тут... Вот, – скорчив гримасу, махнула она на телевизор, – всё налицо. Разве можно после такого с ним жить? Нет, – суетливо застегивая чемодан, она покосилась на мужа, – нет, я ещё молода и слишком люблю себя, чтобы увязнуть в неудачном супружестве и глотать слёзы от предательства мужа. Прости, подруга, но я его не прощу. А ты... ты... – не нашла она слов для супруга. – До встречи в суде, я обдеру тебя, как липку, так и знай. Ты заплатишь за каждую мою слезинку! – демонстративно вытерев руками лицо, Наташа брезгливо сморщилась и отвернулась от застывшего в смятении мужа.

Аня всплеснула руками и повернулась к Андрею.

– Ну что ты молчишь, останови же её!

– А зачем, пусть идёт, раз решила. Я же козёл, так пусть же найдёт себе ангела, – огрызнулся мужчина, насупив белёдые брови. Хоть он и чувствовал себя виноватым, горевшая в груди его гордость не давала мужчине опуститься до извинений.

– Я как устроюсь где, позвоню тебе. Ань, слышишь? – взяла её под руку Наташа и увлекла к входной двери. – Сейчас я в гостиницу, такси уже ждёт. Тебя подвезти?

Но девушка, растерянно глядя на белую маску, с трудом выдавила:

– Нет, я сама... Нат, может, всё утрясётся, помириться? – жалобно вскинула взгляд на подругу. Девушка всё ещё надеялась на хороший исход, она волновалась и почему-то нервничала. Даже тогда, когда рыжая фыркнула и, потянув за собой объёмистую поклажу, выскользнула за дверь, Аня не смогла заставить себя шагнуть вслед. Взгляд её помимо воли то и дело возвращался к белому перламутру. Маска, казалось, влечёт к себе, манит таинственной силой, не даёт развернуться и выскочить вон.

Из задумчивости её вывел вкрадчивый голос Андрея.

– Хорошо, что ты не ушла, Ань. – она и не заметила, как тот приблизился к ней вплотную. Проследив за её взглядом, он хмыкнул и снял маску со стены. Девушка недоумённо покосилась на мужчину, и по спине её пробежал холодок, а в голове воцарилась звенящая пустота. Он, казалось, ничуть не переживал о случившемся.

– Почему ты дал ей уйти? Почему поступил так? Ты же любил её? – хрипло выдавила девушка.

– Наверное, – поскреб он задумчиво подбородок, – а может, и нет. Она была такая яркая, такая волнующая, она... Она должна была быть моей! – глаза его вспыхнули маниакальным блеском, и Анна, испугавшись, невольно отступила назад, вжимаясь спиной в стену прихожей. Ей и в голову не пришло бежать, спастись от этого хищника, облизывающего розовым языком бледные губы. Она не раз обсуждала с подругой тему измен её мужа. Точно они не знали, но до-

гадывались о его похождениях. Симпатичный эндокринолог всегда казался невзрачной студентке божественным Аполлоном. С Наташей они являли собой прекрасную яркую пару. Сейчас же Аня смотрела на этого человека и не узнавала его. Хотя Андрей и не вызывал у девушки глубоких чувств, но и неприязни такой она никогда не испытывала.

Губы его дрожали, лицо скривилось от распирающих мужчину эмоций, а в дрожащих руках он крутил ту самую маску, на которую девушка совсем недавно обратила внимание. Он резко вскинул голову, и Аня, ахнув, отшатнулась, стараясь приблизиться к двери. Зрачки его некогда голубых глаз были расширены так, что те казались иссиня-чёрными.

– Посмотри, какая тонкая работа, она словно отлита из целого камня. Думаешь, что она гипсовая? – чуть помедлил он и протянул маску девушке, та, не задумываясь, приняла её. Вещица оказалась тёплой и гладкой. Не шершавой, как могло показаться, а именно гладкой, манящей, загадочной. Аня заворожённо смотрела на маску, и сердце её трепетало. Андрей потянулся к девушке, и вот он стоит уже, плотно прижав гостью к стене. Аню обдало жаром его похотливого тела, а в ноздри ударил мускусный аромат возбуждённого самца.

– Ты знаешь, какая Наташа жестокая? Она отвергала меня, не давала к себе прикоснуться, говорила, что я не достоин её красоты. Разве честно? Зачем меня было так мучить? Ведь я для неё был готов свернуть горы, а она вот взяла и ушла! А ты не ушла, Ань. Осталась со мной. Ты ведь тоже

красивая, – его голос дрогнул, а ладони легли ей на грудь. Девушка попыталась вывернуться, но мужчина лишь сильнее прижал её своим телом к стене. Маска в руке нагрелась, зашевелилась. Аня испуганно вскрикнула и выпустила вещицу из пальцев, но та не упала, ловко подхваченная мужской рукой.

– Посмотри, как она прекрасна! Почти как ты! Как пульсирует сердце внутри перламутра! Она желает прижаться к трепещущей коже! Она жаждет тебя, как и я... – прохрипел Андрей, прислоняя пульсирующую белизну к лицу испуганной девушки. Аня хотела вырваться, закричать, но силы вдруг улетучились, и апатия охватила безвольное тело. Андрей замер и усмехнулся. Маска сидела, словно влитая. В который раз он удивился, как может она держаться так прочно на живом лице. Аня смотрела на всё, будто со стороны. Она не сопротивлялась даже тогда, когда он, подхватив её на руки, отнес на диван в гостиную. Когда раздевал и ласкал обмякшее тело, даже когда он раздвинул нежную плоть и вонзился со всей жаркой силой и алчностью в беззащитно раскрытое лоно. Он всё врезался и буйствовал, а по маске проносились судороги приближающегося экстаза. Мужчина ворочал её, как игрушку, используя в своих гнусных целях, словно резиновую безответную куклу. Тело её билось от наслаждения, а душа вопила от боли. Сколько так продолжалось, она не понимала, но в какой-то момент он отпустил девушку и, мурлыкая песенку, будто бы сытый котяра, проше-

ствовал в ванную. Девушка отмерла. Её тело ожило, и понимание произошедшего обрушилось сокрушительной болью. Аня согнулась в рыданиях, но тут же, одёрнув себя, гордо выпрямилась. Сейчас не время горевать, а нужно скорее унести от насильника ноги. Пальцы свела судорога, и они отказывались слушаться. Кое-как девушка застегнула пуговицы на лёгком платье и, схватив кофточку, как есть, босиком, бросилась вон из квартиры. Только выбегая из подъезда, она сдёрнула с лица забытую маску и, машинально завернув её в кофту, поспешила домой.

Открывая замок дрожащими пальцами, она молила Бога, чтобы муж ещё не вернулся. И он услышал её молитвы. Сергея не было дома, и, бросив кофту на тумбочку, Аня спешно укрылась в ванной. Там она и дала волю слезам, проклиная тот час, когда откликнулась на зов несчастной подруги. В комнату вернулась уже другая, не такая наивная и умудренная злым опытом женщина. Спрятав злополучную маску подальше на антресоль шкафа, она решила скрыть от мужа ужасное происшествие. И, сделав вид, что ничего не произошло, попытаться жить дальше. Тогда она ещё не знала, какой сокрушительный удар по её судьбе нанёс похотливый насильник, осквернив чистый сосуд хрупкого женского тела своим червивым нутром.

Глава 3

1995 год

Сегодня у Машеньки день рождения. Малышке уже три года, а она выглядит от силы на два. Девочка родилась очень слабенькой, врачи долго боролись за жизнь младенца, и тогда казалось, что победили. Что не так в этом мире? Почему всегда страдают самые слабые и несмышлёные? В чём виноват ребёнок, обречённый с рождения прозябать по мрачным больницам? «А может, виноваты мы с Аней, и Мышке суждено так расплачиваться за грехи родителей?» – призадумался мужчина, запустив пятерню в нечёсанные кудри, и покосился на худенькую, почти прозрачную темноволосую девочку, так похожую на него самого.

Сегодня, копаясь на антресолях, Сергей случайно наткнулся на странную маску. Повертев ту в руках, он меланхолично пожал плечами и отнес её в спальню. Потом разужает у жены об этой вещице. С самого утра Анна сегодня на взводе. День рождение – это всегда прекрасно, и нужно обязательно порадовать дочурку. Пусть Мышка ещё тихонько сопит в своей тёплой постельке, родители уже давно кружат по дому, хватаясь за голову, перебирая в уме всевозможные планы на праздник. В конце концов, они остановились на шариках с тортом, и Аня спешно помчалась в магазин.

Подруг у девочки не было, и они собирались тихонько по-

сидеть в семейном кругу. Сергей медленно выставлял посуду на стол, когда за спиной раздались шлепки босых ног.

– Папочка, что это? – тоненький голосок дрогнул, и мужчина обернулся. Хрупкая темноволосая малышка в беленьких трусиках, переминаясь с ноги на ногу, стояла у самой двери. В широко распахнутых, до невозможности огромных карих глазах светилось ничем не прикрытое детское любопытство. В руках Маша крутила недавнюю маску. В крошечных узких ладошках загадочная вещичка выглядела громоздко и вызывающе.

– Аккуратнее, Мышка, не урони, – встрепенулся отец, когда девочка плотно приложила маску к лицу. Сердце Сергея ухнуло прямо в желудок, и по оцепеневшему телу расползлась леденящая паутина нехорошего предчувствия. Он с ужасом смотрел на то, как белое нечто охватывает бледное личико, как Маша вскидывает на него удивлённые глаза, и он видит в них своё отражение. Вдруг взгляд её помутнел, расфокусировался, хрупкое тельце неестественно выгнулось дугой, и малышка в конвульсиях повалилась на пол. Маска со звоном откатилась от жертвы и замерла в отдалении. Если бы кто-нибудь пригляделся бы к ней в этот момент, то различил бы в глазницах бурлящую бездну.

На грани сознания девочка чувствовала, как что-то огромное и липкое проникает ей в голову, ворочается внутри, затмевает все мысли. Тёмное властное облако оплело детское тельце, свернулось ершистым котёнком в груди и за-

таилось там до поры до времени.

Скорую долго ждать не пришлось, и, оставив жене на столе записку, Сергей умчался в больницу вместе с бесчувственной дочерью. Он ещё не знал, что Аню, потерявшую сознание по дороге в магазин, ещё раньше доставили в ту же больницу, куда и нёсся сейчас на всех порах белый фургон с красными яркими полосами, оглашая округу пронзительной сиреной.

А застывшая белая маска забытой сброшенной кожей сиротливо осталась лежать на полу.

С тех пор и началась невыносимая больничная эпопея. То дочь, то жена, едва выписавшись и начав наслаждаться жизнью, вновь попадали на больничную койку. Девочки бледнели и таяли на глазах, а обессиленный мужчина и не представлял, куда кидаться за помощью. Лекарства были бессильны. Они лишь на время помогали любимым расправить плечи, поникшие под гнётом незримого врага.

Глава 4

1992 год

Мир погряз в разврате и пороке. У всех на слуху витал лишь один страшный и неизлечимый бич всех народов. Вирус иммунодефицита коварно прокрался в Союз, сбивая спесь даже с холёных дамочек и денежных мешков. Люди умирали сотнями, если не тысячами, не в силах бороться с ужасной болезнью. Врачи безуспешно бились над лекарством, а некоторым удалось даже заработать на этом, обманывая доверчивых граждан.

Андрей Петрович без стука, размашистым шагом победителя вошёл в кабинет руководителя. Высокий и тощий уролог, уже находившийся там, испуганно вздрогнул и неодобрительно покосился на коллегу. Семён Абрамович, сухопарый седовласый руководитель кооператива, раздражённо вздёрнулся, но, заметив в глазах эндокринолога хищный жадный блеск, всё-таки решил того выслушать.

Глава 5

1996 год 2 Июля

Ночью, как и предсказывали воробьи, пролил ливень, и все маломальские улики сгнули под тугими обильными струями. Раздосадованный оперативник уже хотел было идти с повинной к майору, чтобы положить нераскрытое дело на полку, как снова раздался звонок. В сквере был найден неопознанный труп человека в белом халате. Виктор едва успел натянуть фуражку, как в кабинет вбежали дежурные.

Милицейский уазик, рыча и подскакивая, мчал вперёд по пустынной дороге. Раннее утро радовало прохладой. И, расправляя хрупкие крылышки перед молодым солнышком, одни мелкие птички важно вышагивали по остывшему за ночь асфальту, другие же задорно порхали над миром, купаясь в ласковых лучах щедрого светила, и звонкими трелями возвещали всем о приходе нового дня.

Прибыв на указанное место, сыщики обескураженно осмотрели всю территорию сквера, но труп так и не обнаружили. Тут Виктор озабоченно огляделся и обратил внимание на бродившего неподалеку бомжа со скрипучей тележкой. На груди у того подозрительно болтался новенький фонендоскоп. Мужчину тут же скрутили и, не добившись вразумительного ответа на месте, повезли в отделение. Всю дорогу оперативники морщились от густого аромата давно

не мытого тела, и, как только авто затормозило, с облегчением высыпали наружу, с наслаждением вдыхая свежий воздух и шурясь на солнце. Подозреваемого провели внутрь, тщательно отворачиваясь и брезгливо кривя напряжённые лица. Там, в кабинете хмурого, не выспавшегося следователя, испуганный грязный мужчина признался, что видел тело умершего и даже позаимствовал у того некоторые вещички. А в частности, блестящий фонендоскоп и чёрный глянцевый магнитный браслет. Сам же, вот те крест, никого он не убивал. А убитого обнаружил случайно, когда собирал в сквере стеклянную тару. К слову, в тележке бомжа таковая была обнаружена. Так же он рассказал Виктору, что тело убитого увезла скорая. Кто вызвал, не знает, ничего не слышал, никого не видел.

Голова следователя гудела, а глаза жгли солёные слёзы, когда он выпроваживал благоухающего очевидца за двери своего кабинета. Порывисто распахнув окно, Виктор вдохнул полной грудью аромат летней свежести и, натужно свистя носом, внимательно осмотрел изъятую у бомжа улику. Отражая солнечные лучи блестящими гранями, браслет походил на причудливую драгоценность, коим-таки и являлся.

Такие магнитные диковинки обросли миллионами полезных свойств и считались чуть ли не панацеей от всех болезней. Позволить себе занять такое медицинское чудо мог лишь очень состоятельный человек. Так кто же такой этот богатенький пострадавший? Крутя в руках сверкающее со-

кровище, следователь зацепился взглядом за небольшую белёшую наклейку на внутренней стороне одного из плотно подогнанного глянцевого звена. Приблизив к глазам улику, он прочитал набор букв, видимо, название фирмы, выпускающей чудо науки. В глазах мелькнул луч надежды: хоть какая-то прочная ниточка. Но сначала...

Обзвонив несколько моргов, он наконец-то нашёл в одном из них неопознанный утренний труп. Следственная группа тут же выехала по адресу морга, и вскоре стала известна причина смерти неопознанного врача. Теперь, имея на руках некоторые факты, можно было съездить в ту фирму. Возможно, удастся установить личность хозяина столь дорогой и полезной вещицы.

1996 год 24 Июня

Маленькая девочка грустно сидела на провисшей пружинной койке и болтала тонкими ножками. Вот уже третий день, как люди в белых халатах привезли её сюда и заперли в тесной камерке. Единственной вещью, что позволили взять с собой Маше, был любимый плюшевый медведь. И теперь они с мишкой уныло пялялись друг на друга, едва сдерживая слёзы обиды. Где же папа? Почему он до сих пор не пришёл за ней? Маму забрали в больницу ещё раньше, а затем приехали и за ней. Папа сначала удивился, не понимая, зачем они снова явились, но врачи что-то долго запальчиво ему объясняли, и он почему-то заплакал. Девочка ничего не понимала, она испуганными глазёнками тарасилась на встревоженных

людей в белых халатах и марлевых масках на пол лица, цепляясь тонкими пальчиками за папину вспотевшую ладонь.

Вместе с воспоминаниями пришла и душевная боль. Что с мамой теперь, Маша не знала, а угрюмые люди упрямо молчали.

Дверь скрипнула, и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, в палату вошла полная нянечка в неизменной марлевой повязке. Маленькие глазки женщины тревожно вспыхнули, Маша встрепенулась и хотела было подойти к ней, но та резко шарахнулась от девочки, как от прокаженной, и, спешно поставив тарелку с едой на стол, торопливо скрылась за дверью. Мышка и не удивилась, она просто в который раз убедилась, что её почему-то боятся. Она это заметила ещё тогда, когда её только привезли такие же испуганные люди, закутанные в марлю. По их хмурым лицам и бегающим глазкам, по осторожным брезгливым касаниям трясущимися руками в резиновых перчатках. По тому, как торопливо и неловко они взяли у неё анализы и, пряча тревожные взгляды, покинули комнату, она поняла, что она тут изгой и привычная жизнь уже не вернётся. Больше её молчаливые мучители не появлялись.

В глазах вновь защипала влага. Маша была всего лишь ребёнком, маленькой невинной девочкой, которая очень скучает по маме и папе. И пусть, по словам родителей, она не по годам умная и должна слушаться взрослых, всё же иногда ей хотелось просто завить белугой, как капризно-

му ребёнку, как раненому волку, в одиночестве смотрящему на большую и такую бесконечно далекую луну. Такую далёкую, как и мама сейчас.

Но вместо этого Маша грустно вздохнула и, упрямо стиснув зубы, уселась за стол. Есть не хотелось. Хотелось кричать, плакать и колотить кулаками в стекло, но мама всегда говорила, что Маша уже взрослая, а большие девочки так себя не ведут и, конечно, не плачут. Вот Мышка и сдерживалась изо всех сил, ведь ей уже полных четыре года. Девочка взяла ложку и отправила в рот склизкую ненавистную кашу, даже не поморщившись.

1996 год 3 Июля

Оставив сержанта в машине, Виктор вылез из салона на летнее пекло. После вчерашнего ливня, казалось, стало ещё жарче. Июльское щедрое солнце старалось вовсю. Похоже, даже пернатым не нравилась эта душиловка, и, обреченно раскрыв клювы, воробьи жалобно попискивали, распластав крылышки под сенью редких городских насаждений. Ленивый ветерок уныло шевелил поникшие листья, будто бы проворачивая их на вертеле безжалостного природного мангала.

Хоть в машине и было не намного прохладней, всё же крыша защищала взмокшие под фуражками головы от жгущих лучей немилосердного солнца. Быстрым движением стряхнув пот со стриженной макушки, оперативник, выпрямив спину и одёрнув пиджак, направился к стеклянным две-

рям кооперативной лечебницы «Спектр».

В небольшом зале за аккуратным столиком сидела мило-видная девушка и улыбалась вошедшему.

– Здравствуйте, могу ли я чем-то вам помочь?

– Добрый день, – улыбнулся в ответ следователь и показал девушке удостоверение. Дверь в дальнем коридоре тихонько скрипнула. Следователь на минуту отвлёкся, но, никого не увидев, вновь обернулся к секретарше. – Вам знаком этот предмет? – протянул он браслет и поморщился. Ему показалось, что откуда-то слегка потянуло дымом.

– Да, конечно, это продукция нашей фирмы. Магнитный браслет. У него множество полезных свойств. Если вы хотите приобрести, можем предложить вам индивидуальную скидку... – девушка резко запнулась и тоже поморщилась. Дымом тянуло сильнее. Виктор нахмурился и двинулся вглубь коридора, вслед за ним поспешила и секретарша. Тоненькой струйкой дымок выбивался из-под одной из дверей. Девушка ахнула.

– Это же кабинет Семёна Абрамовича! – всплеснула она руками.

– Не стойте, вызывайте пожарных! – срывающимся голосом заорал следователь, выбивая плечом замкнутую изнутри дверь. Но помощь пожарных не пригодилась. Посреди кабинета в урне дымилась кипа бумаг, а в широко распахнутое окно задувал знойный ветер, играя с тоненькой струйкой дыма в причудливые догонялки. Тут же на столе нашелся

и графин с водой, который пришёлся как раз кстати, и вскоре с неудавшимся поджогом было покончено.

В кабинет ворвался встревоженный сержант, настороженно оглядел пустой кабинет.

– Смирнов, свяжись по рации с нашими, надо объявить в розыск руководителя этого кооператива. Да не мешкай, а мы тут побеседуем с этой милой девушкой.

– Слушаюсь, товарищ капитан. – козырнул паренёк и, стрельнув лукавыми глазками на побледневшую сотрудницу, поспешил ретироваться.

– Так-с, – протянул Виктор, стряхивая воду с толстой записной книжки. – Добротная, качественная вещь. Просто так не сожжёшь. – хмыкнул следователь, бросая внимательные взгляды на нервную девушку. Та топталась на месте, картинно вздыхая и заламывая руки, как невинная овечка.

– Что вы так нервничаете... э...

– Алёна, – подсказала та и вспыхнула до корней волос.

Спохватившись, Виктор хлопнул себя по лбу:

– А подскажите мне, Алёна, где у вас можно посмотреть личные дела сотрудников кооператива?

– Не знаю, – сконфуженно пожала плечами та и виновато потупилась. Руки девушки дрожали, и она теребила магнитный браслет в пальцах. Следователь нахмурился, он совсем позабыл про улику.

– Так, что вы там говорили про этот браслет? – забирая у неё вещицу, он пристально посмотрел ей в глаза. Алёна

смутилась, но взгляда не отвела.

– Да почти у всех сотрудников есть такие. Они же врачи, состоятельные, могут себе позволить.

– А был ли среди ваших врачей высокий и подтянутый симпатичный блондин? – перевел взгляд на блокнот Виктор, и Алёна расслаблено выдохнула.

– Ну, есть у нас такие, – задумалась девушка, – один специалист – уролог, а второй – эндокринолог, вроде подходят под описание. Но я давно их не видела. У обоих ненормированный рабочий день, когда есть пациенты, тогда и приходят.

– Вот как, – задумчиво протянул следователь, – а фото неуловимых специалистов у вас есть?

– Да, конечно, – встрепенулась Алёна, – пройдемте со мной, – и повела сыщика назад в коридор, – вот, посмотрите, тут практически весь коллектив, – дрожащей рукой девушка указала на ранее не замеченное фото, висевшее на стене. Одного взгляда хватило Виктору, чтобы опознать потерпевшего.

– Это кто? – ткнул он влажным пальцем в высокого улыбающегося блондина.

– Это Алексей Николаевич, наш уролог... – подтвердила его мысли Алёна. – А рядом с ним справа Семен Абрамович, а слева – эндокринолог Андрей Петрович, – голос девушки дрогнул, и она сдержанно всхлипнула.

– Спасибо, Алёна, за вашу неоценимую помощь. Теперь вы можете быть свободны.

И, стряхивая с блокнота остатки воды, Виктор спешно покинул лечебницу.

В отделе его уже ждали. Передав улики криминалистам, он направился прямо в кабинет начальника отделения.

– Разрешите, товарищ майор?

– Да, Воронков, заходи. Что у тебя? – облокотился седовласый оперативник на глянцевую столешницу, подаваясь навстречу капитану.

– Труп опознали, Дмитрий Андреевич, это врач-уролог из «Спектра», – отвечая на немой вопрос в хитрых глазах майора, Виктор пояснил, – кооперативная клиника, лечат больных, торгуют лечебными бирюльками. Документы передал нашим, пусть изучают. А руководитель сбежал, я уже объявил его в розыск.

– Так-так, – нахмурился пожилой мужчина, и складки на лбу его стали заметно глубже, – сбежал, значит, чувствует за собой вину. А не он ли чикнул своего докторишку? Что там по орудию убийства?

– Орудием убийства является изогнутый обоюдоострый предмет. Удар был нанесен с такой силой, что почти перерубил позвоночник. Не представляю, кто на такое способен, – задумчиво произнёс Виктор, почёсывая небритый подбородок.

– Значит так, Вить. Ты поезжай сейчас домой, помойся, побрейся, приведи себя в порядок и, наконец, отдохни.

И не возражай, – поднял руку майор, заметив, что подчиненный раскрыл было рот в возмущении. – Это приказ, капитан! – отчеканил начальник. – И потом, сейчас всё равно пока новостей нет, а как ребята нароют что, я тебя вызову.

– Слушаюсь, товарищ майор, – показательно чеканя слова и недовольно сверкая глазами, отозвался следователь. Он расправил уставшие плечи и вышел из кабинета.

Виктор лежал и смотрел покрасневшими глазами в потолок. В маленькой холостяцкой квартире царила мрачная тишина. Пересилив свою нервозность, мужчина пытался расслабиться. Пустое, убогое жилище иногда угнетало до такой степени, что ему хотелось бежать без оглядки, не разбирая дороги, лишь бы подальше от холодного одиночества. Но сейчас оно лишь помогало сосредоточиться. Мысли, только что хаотично метавшиеся в воспаленном разуме, внезапно выстроились стройными рядами.

– Так, – едва шевеля губами, напряжённо прошептал он, – что мы имеем? А имеем мы труп доктора уролога из дорогой клиники. Кому он мог помешать? Явно, что это не ограбление, магнитный браслет и все прочие имеющиеся бирюльки не взяли. Никаких убегающих подозрительных фигур бомж в сквере не заметил. Так... – протянул задумчиво следователь, тихий голос его прервал протяжный зевок.

– Раз это не ограбление, значит, что? Мечь? Кто может мстить молодому мужчине? Обманутая женщина? Но сила

удара отнюдь не слаба. Ревнивый муж... или обманутый пациент? – ему надоело смотреть на немой потолок, который никак не хотел помогать мужчине найти правильные ответы, и он нехотя, тяжело вздыхая, повернулся на бок.

– Да, скорее всего, это месть. Значит, будем копать в этом направлении... – мысли стали тягучими, вязкими, как кисель, и совсем перестали двигаться ровными рядами. Так и зависнув на последнем выводе, Виктор провалился в глубокий и ватный сон без сновидений.

1996 год 30 Июня

Сегодня снова хотелось кричать и плакать, но девочка упорно молчала. Лишь прижимала к груди плюшевого мишку и молча мочила его щёчки солёными каплями. Маша совсем уже ослабла, и подниматься с провисшей койки больше не было сил. Где-то в глубине хрупкого тельца завязывалась в узелки тупая гнетущая боль. Иногда она прорывалась горячими змейками и колола внутри острыми иглами, тогда Мышка, стиснув от боли зубы, тихонько стонала на ушко пушистому другу.

Дверь тихо скрипнула и отворилась. Всё та же полная нянечка, пряча лицо за марлевой маской, сочувственно уставилась на малышку повлажневшими бусинками глаз. Девочка удивлённо вскинула брови. В руках у женщины ничего не было, ни обычных тарелок, ни горьких таблеток, которые так часто передавали ей, вроде как от папы.

– Пойдём со мной, детка, тебя хочет видеть мама, – голос санитарки дрогнул, и в нём послышалось сострадание. Сердечко в груди девочки встрепенулось и забилося с неистовой силой. Собрав в кулак всю свою волю, она с трудом поднялась и, пошатываясь на нетвердых ногах, поплелась вслед за нянечкой. Идти долго не пришлось, и уже через несколько шагов женщина остановилась. Девчушка выглянула из-за широкой спины, плотно обтянутой белым халатом, и в изумлении вскинула брови. Как же так, она и не догадывалась, что практически рядом, буквально за стенкой, в таком же тесном изолированном боксе и лежала на койке неподвижной изломанной куклой её мама. Она с трудом повернула к вошедшим лицо, и щёки Маши вспыхнули от волнения. Радость мгновенной всепоглощающей волной прокатилась по телу, освещая осунувшееся личико, стирая из детской податливой памяти все былые невзгоды. Её милая, любимая мамочка была здесь, рядом, а всё остальное неважно.

– Мамуличка! – пискнула Мышка, собрав все силы для отчаянного рывка, и уткнулась вспыхнувшим от внезапного счастья лицом женщине в грудь. Девочка обняла маму тонкими ручками и прижалась к ней всем своим трепетным существом, не желая выпускать родное существо ни на минуту. Непослушные слёзы прорвали преграду, и Маша навзрыд разрыдалась. Едва дыша, Аня положила дрожащие ладони на темноволосую головку своей дочери и, глотая слова, зашептала.

– Ты прости меня, моё солнышко! Это я во всё виновата! Я всё разрушила, всё сломала. Ты отдай папе записку мою. И скажи, что я очень перед ним виновата. А теперь иди, моя милая, и помни всегда, я люблю тебя больше, чем очень!

Колючий комок подкатил к горлу, мешая вздохнуть, горькие слёзы душили женщину, но она, задыхаясь, всё снова и снова шептала малышке едва слышно, глотая слова. Пока силы совсем не иссякли, заставив несчастную беспомощной куклой провалиться в беспамятство. Всхлипывающую девочку едва уговорили оторваться от мамочки, пообещав вновь привести, когда та проснётся. Непрестанно охая и вздыхая, грузная нянечка вновь отвела Машу в унылую келью, оставив рыдать в одиночестве. А в глубоком кармашке помятого платяца притаился шелестящий листок, исписанный мелкими корявыми буквами.

1996 год 3 Июля

Из тревожного сна его выдернул резкий звонок телефона.

– Воронков слушает, – рявкнул он в трубку хриплым ото сна голосом, – сейчас буду.

Уже через минуту, застегивая на ходу форменный пиджак, Виктор бежал по ступенькам, торопясь в отделение, где криминалисты, наконец, изучили блокнот и другие бумаги скрывшегося подозреваемого.

Припарковав служебную копейку у отделения, мужчина поспешил прямо в кабинет майора, там уже полным ходом шло совещание.

– Итак, – приветственно махнув посвежевшему следователю, продолжил майор, – что мы имеем на данный момент? В фирме крутились огромные деньги. Судя по приходным ведомостям, предприимчивые врачи торговали лекарством от ВИЧ-инфекции, якобы изготовленном за границей. Покупали таблетки охотно и в огромных количествах. Я собрал вас так поспешно, потому что на 4 число в блокноте у директора фирмы назначена встреча с очередным покупателем. Как вы догадываетесь, она назначена именно там, где и был обнаружен труп уролога из «Спектра». Отсюда следуют две версии: или руководитель сам устранил пособника, не желая больше делиться, что маловероятно, или он вообще не в курсе его смерти и явится на встречу сам, так как не сможет, по известным причинам, связаться с напарником по бизнесу. Терять такой куш он вряд ли захочет. Что нам сейчас нужно? Будем проводить операцию по задержанию либо преступника, либо покупателя. Любой из них нам сможет поведать что-нибудь новое! Вопросы есть? Вопросов нет. Приступаем.

1996 год 30 Июня

«Как же так? Почему так случилось? Кто виноват в том, что всё разбилось? Откуда взялся тот червь, злобный вирус, прокравшийся в наш дом и уничтоживший семью, любовь и всю мою жизнь?» – метался Сергей по тесной палате, откуда только что унесли безжизненное тело любимой жены. А за тоненькой стенкой соседней палаты давилась слезами истощённая четырехлетняя девочка.

Мужчина взбодрился, выпрямился и вытер слёзы рукавом пиджака. Подозвав медсестру, он попросил проводить его к дочери и сообщил о своем намерении забрать ребёнка домой. Врачи отговаривали безутешного мужчину, потерявшего любимую женщину, но он был непреклонен. Если дочери суждено умереть, то пусть это произойдет в родных стенах опустевшей квартиры, в его любящих объятиях. Обхватив голову руками, он завыл раненым зверем. Почему, ну почему его не было рядом? Больше такого он не допустит. Он ни за что не оставит свою нежную Мышку гнить в четырёх холодных больничных стенах. Разве он мог подумать, что всё так быстро закончится? Что жестокая смерть равнодушно коснётся своим скорбным крылом и навсегда отберёт любимую? Если бы он только знал, то никогда б не позволил разлучить его с семьёй. Анюту он уже потерял, и не даст лишиться себя дочери.

Чтобы добраться до дома, Сергею пришлось вызывать такси, так как своё авто он давно уже продал, чтобы купить в известной фирме чудо-таблетки. Но и это волшебное, по словам представителя фирмы, заморское средство, не спасло их семью от страшных последствий коварной болезни.

Перед глазами несчастного снова возник тот злополучный день, и сердце опять сжалось в болезненном спазме.

1996 год 21 Июня

Анна сегодня упала в обморок, и её отвезли на скорой

в больницу. Мышка тоже хандрит и не торопится выползать из кровати. Один Сергей чувствует себя хорошо и очень беспокоится за своих девочек. Внезапное возвращение скорой и страшный приговор врачей застал мужчину врасплох. Нервы его не выдержали, и Сергей судорожно разрыдался. Растерянные врачи переглядывались, пряча глаза от несчастного мужчины, но всё же слегка поторапливали. Собрав спешно Мышку и прихватив любимого мишку взволнованной девочки, они сели в ожидавшую скорую. В дребезжащем нутре железного зверя, под тяжёлыми взглядами встревоженных медиков их повезли в ту же больницу. Суетливо и как-то испуганно их пытались изолировать от других посетителей и, будто бы под конвоем закутанных в марлю врачей, обоих отвели в лабораторию, где взяли кровь на анализ. Выйдя из кабинета, Сергей не нашёл в коридоре дочь и очень разволновался. Полная женщина с добрыми влажными глазами успокаивающе похлопала мужчину по плечу и попросила подождать доктора. Он придет и всё ему объяснит. И тот объяснил. Страшный диагноз в одночасье разрушил мечты на счастливую жизнь. В крови жены и дочери притаился коварный заморский червь, а вот его самого недуг почему-то обошёл стороной.

Долго Сергей приходил в себя на жёсткой больничной лавочке. Гнетущие стены больничного коридора, выкрашенные зелёной краской, будто давили на разум, путали мысли, заставляли в ушах грохотать сердце, подкатывать комом ко-

любим к горлу, сжиматься испуганным зайцем в груди. Запустив дрожащие ладони в отросшие волосы, мужчина силился вспомнить, когда же всё началось? Когда пышущее здоровье жены начало давать сбой? Ведь это не случилось мгновенно. Где могла подцепить молодая и скромная женщина столь специфический вирус? Но в голову ничего не приходило, и мужчина терялся в догадках.

Ни к жене, ни к дочери больше Сергея не пустили, а он, справедливо заметить, и вовсе не пытался.

1996 год 30 Июня

Дома отец раздел дочь и аккуратно обмыл исхудавшее тельце в наполненной тёплой водой ванне, затем уложил на кровать, тщетно сдерживая горячие слёзы. Ослабевшая девочка смотрела на папу огромными карими глазами и улыбалась. Она наконец-то была снова дома. Собрав грязную одежду, Сергей уже хотел было замочить платье в тазу, как нащупал в кармашке нечто хрустящее. Развернув смятый лист, мужчина впился глазами в такой родной мелкий подчёрк, а когда уловил суть письма, волосы на его голове стали дыбом.

Несчастная женщина на пороге неминуемой смерти призналась любимому в страшной невольной измене. Он не мог не поверить предсмертной записке. У мужчины не укладывалось в голове, как Андрей, с которым они, пусть и не близко, но всё же дружили, оказался способен на такой поступок! Склонившись над спящей малышкой, Сергей силился сдер-

жать злобный вой помутившегося рассудка. В сердцах скомкав лист, он бездумно оделся и, не владея собой, кинулся к бывшему «другу».

Андрей жил не очень далеко, так что дёргать такси не имело смысла. Сумерки плавно сгустились над городом, окрасив округу в сумрачные тона. То здесь, то там громко орали коты свои брачные песни. На лавочках шушукались парочки, приглушенно смеясь и радуясь каждому дню. А ведь когда-то очень давно и он был таким. Едкий комок подкатил к горлу, заставив мужчину сбиться с шага и жалобно всхлипнуть.

Дверь распахнулась, едва Сергей коснулся звонка. Андрей выглядел просто ужасно. Некогда статный блондин исхудал, кожа покрылась мокрыми язвами, волосы сбились сухой комковатой паклей.

– А, Серёга, давай, заходи, – голос мужчины дрожал и сбивался.

– Андрей? Ты плохо выглядишь! Что с тобой? – ужаснулся Сергей.

– Да, что-то я прихворнул, брат. Зря я всё-таки летал тогда в Африку. Видишь, наградила девчонка заразой. Помру скоро. – голос сорвался и перешёл в шёпот.

– Какая девчонка? Какая зараза? – спохватился Сергей, подсчитывая что-то в уме и составляя складывающийся пазл.

– Да что ты, не помнишь? Наташка ещё меня тогда бросила. Вовремя соскочила. Девчонка на видео просто конфетка.

А вон как всё вышло.

– А как же лекарства от СПИДА, коллега твой мне продавал? – сконфузился гость, злоба, взметнувшись, исчезла, оставив в душе лишь палящую пустоту.

– Да брось ты, Серёга, какое лекарство? Всё это лажа, чтоб бабок срубить. Неужто повёлся? Ну ты и лох, брат. Надо было ко мне обратиться, я б отсоветовал. – Крякнул Андрей и натужно раскашлялся. – А тебе-то зачем? С девчатами что?

– Нет, всё нормально, – не став вдаваться в подробности, отмахнулся Сергей. Что толку теперь в объяснениях? Кому предьявлять? Аню не оживить, а этот и сам скоро откинется. Его сам Господь наказал. – Ладно, пойду я, Андрюх, выздоравливай!

Новая буря закипала в душе. Сергей весь дрожал от переполнявшего душу возмущения и ненависти: к предприимчивым докторам – за обман, к себе – за слепую доверчивость. Как они могли? Кучка мошенников. А ведь обещали, что лекарства помогут.

Когда он узнал, какой вирус ворвался в их жизнь, он перерыл кипу книг и газет в поисках выхода. Там и наткнулся мужчина на спасительное объявление фирмы «Спектр». Конечно, Сергей понял, что это та самая фирма, где трудится муж подруги жены и его шапочный приятель, но обратиться к самому Андрею мужчина постеснялся. Лучше смотреть в глаза чужому, не знающему тебя и не лезущему в душу со своим ненужным сочувствием, чем такому, как

этот стильный заносчивый блондин. Они и приятельствовали только из-за дружбы своих любимых женщин. А когда Наташа ушла от Андрея, прервалось и общение мужчин. Ну не лежала душа обычного заводского электрика к высокомерному холёному докторишке, считавшему себя чуть ли не светилом современной медицины. Да и Анюта его стала чураться, испуганно вздрагивая. И вот теперь он понимал, почему. В глубине души Сергей всегда чувствовал, что надо держаться подальше от такого типа людей, как Андрей, однако уберечь Аннушку это не помогло.

– Ага, и тебе не хворать. А чего приходил-то? – спросил Андрей, но того уж и след простыл, дверь за приятелем с шумом захлопнулась.

Эндокринолог едва добрался до кровати, как снова раздался звонок. Собрав остатки сил, некогда статный блондин, волей коварного вируса превратившийся в свою тень, едва переступая на дрожащих ногах, вновь поковылял в прихожую. Бурча себе под нос витиеватые ругательства, мужчина щёлкнул замком, но отскочить не успел. Дверь резко распахнулась, с размаху шарахнув хозяина по лбу.

– Серег, это ты? Ёшкин кот... – лишь успел прошептать бывший доктор, глаза его округлились, грозя выскочить из орбит. Он хотел было отпрыгнуть, но, запутавшись в своих собственных ногах, с грохотом повалился на пол. Падая, Андрей беспорядочно замахал руками, неосознанно сбив со стены изогнутый коллекционный кинжал, инструк-

тированный рубинами. Рот мужчины скривился, цвета мутного болота испуганный взгляд в панике заметался по узкой прихожей, пытаясь уследить за кошмарным пришельцем. Сгусток клубящейся тьмы наконец-то обрёл очертания, и в его колеблющейся руке мелькнул тот самый кинжал, холодно вспыхнув бардовым. Андрей напрягся и заскулил, стараясь отползти подальше от нависшей угрозы, но ожидаемо упёрся спиной в безразличную стену. Не успел он опомниться, как с треском порвались штаны и что-то холодное и острое коснулось скукоженной плоти. Резкий крик, и затем темнота.

Покинув тёмный подъезд друга, Сергей согнулся от навалившейся тяжести горя. Слезы неистовым водопадом катились по бледным щекам, падая на одежду солёными каплями. Накатила тошнота, и его смачно вырвало. Утерев рукавом трясущиеся губы, он сжал лицо вспотевшими ладонями и глухо завыл, прислонившись к обшарпанной стене равнодушного дома. Так и стоял он, скуля и раскачиваясь, пока совсем не осталось слёз. Тогда он сжал в кулаки жалкие ошмётки воли и поспешил домой к умирающей дочери.

Девочки в комнате не оказалось. Она дремала в родительской спальне, забравшись с ногами на мягкую кровать. В одной руке Маша сжимала белую маску, а в другой – смятый, омытый слезами листок. Не став беспокоить ребёнка,

он прилёт рядом и забылся в горячем сне.

1996 год 4 Июля

С утра разбирая заявления бдительных граждан, Виктор наткнулся на целую петицию жильцов одного из Хрущёвских домов. Они жаловались, что в одной из квартир сильно стонет мужчина, на звонки не реагирует, на вопросы не отвечает. Надо бы взломать дверь. «Странно всё это, – почесал подбородок оперативник, – почему не вызывали участкового или скорую?» Но, хорошо обдумав ситуацию, решил сам всё проверить.

Он встретился с местным участковым и вместе с ним направился по указанному адресу. Из квартиры не доносилось ни звука. Позвонив в соседние квартиры, участковый определил понятых и вызвал престарелого слесаря. Замок взломали быстро. В нос тут же ударил затхлый запах свернувшейся крови и экскрементов. Хозяин обнаружился в постели, бездыханный и измождённый, словно изъеденный страшным недугом. Одного взгляда Виктору хватило, чтобы понять: дело об отрезанном члене ещё рано закрывать. День прошёл суматошно. Криминалисты сняли в квартире умершего пальчики, следственная группа прорабатывала несколько версий.

В потерпевшем, к удивлению Виктора, опознали того самого второго специалиста, эндокринолога из кооператива «Спектр». Кто же так озлобился на клинику, что убивает работавших в ней врачей-специалистов?

1996 год 2 Июля

Мышка сегодня совсем не вставала. Она всё ещё сжимала в слабых ручонках белую маску и тихонько сопела. Разговаривать сил уже не было, и она молча сверкала на папу своими погасшими карими глазками.

Сергей совсем потерял от горя голову и разговаривал сам с собой. Он проклинал Андрея за потерю любимой, вспоминал гнусными словами мошенников-докторов, а Мышка всё слушала и крепче стискивала в ладошках гладкий перламутр. Тот, словно домашний питомец, отзывался теплом на каждую эмоцию в душе девочки. Туманными завихрениями разбухало голодное нечто в животе Мышки, острыми коготками скребло по рёбрам, бурлило в горячей крови, застилая глаза ребёнка алыми шорами.

К вечеру Сергей засобирался в тот самый сквер, где тайно покупал злополучные таблетки. В глубине души он надеялся встретить там ненавистного мошенника, заглянуть ему в глаза и спросить, не мучает ли его совесть, знающая, что за бесполезную пустышку впаривает он безнадежно больным, отчаявшимся людям. Он жаждал проверить, колыхнет ли стыд в бездушных глазах. А Маша, глядя на сборы отца, лишь сильнее прижимала к груди пульсирующую маску. Как только Сергей ступил за порог, она прислонила уже изрядно нагревшуюся вещицу к лицу и полностью отдалась чужим чувствам. Шквал жгучих эмоций промчался по детскому тельцу, выкручивая суставы, утолщая кости, вытягивая

наружу всю силу страдающей души.

Она видела, как крадётся по скверу отец, скрываясь за толстыми стволами деревьев, как пятится от него испуганный человек в белом халате. Лицо его блестит и лоснится в свете неполной луны. Как папа трясет за грудки бессовестного медика, с ненавистью заглядывая тощему мужчине в рыбы глаза, как в сердцах отпускает в бессилии, прижимая к кривящемуся лицу трясущиеся ладони. Громкий жалобный крик «ненавижу!» птицей рванулся из кривящихся губ. Долговязый падает, но и сидя продолжает неловко пятиться от родителя прочь. Отчаявшийся, согнувшийся под тяжестью неимоверного горя мужчина с силой растирает глаза и уходит, быстро, не оглядываясь, а мошенник так и трясётся от страха. Не отводя глаз от жалкого типа, девочка с трудом поднимается и достаёт из-под маминой подушки красивый изогнутый кинжал, заляпанный красным. С каждым движением хрупкое тело её наливается силой. Черная клубящаяся энергия злости переполняет детское сознание. Оно вздыбливается, распухает и разделяется. Теперь Мышка здесь и не здесь. Она растеряна и не понимает, что с ней творится, но противиться чужой воли нет сил. Сейчас она всюду. Своим новым невидимым телом она способна дотянуться до звёзд. Но не этого сейчас жаждет неистовый дух у малышки внутри. И вот она уже склоняется над дрожащим мошенником властной фигурой, сверкая мраморным ликом, и наносит прямой страшный удар. Она ясно слышит, как хру-

стит его позвоночник, это музыка для её чутких ушей. Видит, как уходит жизнь из его округлившихся глаз, впитывает его страх и агонию смерти, наполняется ими, купается в густых эманациях ужаса. По хрупким костям пробегает приятная тёплая дрожь. Всё детское тело пылает неистовым пламенем, разжигая бурлящую кровь. Вот она уже дома бьётся в конвульсиях, судорожно стянув с лица маску. Тонкие пальчики, белые от напряжения, едва не ломаются, прижимая ту к суматошной груди. Сердце Мышки заходится в бешеной пляске, и она, задыхаясь, натужно кряхтит. Карие глаза теряют свой блеск, беспомощно закатываясь под опухшие веки. Девочку рвёт кровавыми хлопьями, внезапно вбежавший отец кричит от бессилия, прижимая к груди свою крошку, и, беззвучно рыдая, сползает на пол. Маска падает из ослабевших рук девочки на пол рядом с кровавым кинжалом, сердце конвульсивно сжимается, толкая в последний раз бурлящую кровь по сжавшийся венам, и замирает. Словно срубленный дуб, безутешный отец падает рядом, не выпуская из рук бездыханное тело ребёнка. Растерянный взгляд его натывается на кинжал. Тот, сверкая рубинами, скромно лежит на полу и манит, жаждая напитаться крови, а под ним растекается алая лужа.

Разум отца затуманило жгучее горе, и вспотевшей рукой потянулся мужчина к сокровищу. Коснулся дрожащими пальцами глянцевого самоцветов и сжал в кулаке орудие смерти. Один мощный взмах, и всё кончено.

1996 год 4 Июля

Нацепив белый халат, Виктор робко топтался в пустынном сквере, внимательно оглядываясь по сторонам. В засаде едва дышали оперативники, боясь выдать себя тёмной крадущейся тени. Вот силуэт робко приблизился к подставному и замер в замешательстве. Несмотря на тусклые отблески в крошечной тьме, Виктор тут же признал в силуэте того самого руководителя кооперативом. А кого ожидал по-встречать тот, вот это вопрос. Скрыться Семену Абрамовичу не дали, и уже через полчаса он давал показания в отделе-нии, трясясь и гремя наручниками от страха.

Как позже выяснилось, в отлично налаженной схеме замешаны были трое. Уролог, эндокринолог и сам директор лечебницы. Покупая оптом дешёвые витамины, они спешно меняли упаковку и продавали препарат уже как дорогущее импортное лекарство от СПИДА. Виктор проследил ниточки до каждого покупателя, и следствие закрутилось с новым азартом.

Вскоре оказалось, что один из приятелей так жестоко об-резанной жертвы также являлся покупателем у предприим-чивых бизнесменов. Виктор вместе со следственной группой помчался к Сергею домой.

Хотя время было и позднее, но в нужных окнах свет не горел. На стук и звонок опергруппы никто не реагировал. По-звав в понятия соседей, Виктор собрался было взламывать дверь, но та, как ни странно, оказалась открытой. Оператив-

ники тихонько протиснулись в маленькую прихожую, мгновенно заполнив всё тесное пространство узкого помещения. В нос резко ударила сладковатая вонь разложения. Ото всюду слышалась витиеватая брань, и, уже не таясь, на все лады чертыхаясь, Виктор потянулся к тому месту, где по логике должен быть выключатель. Сухой щелчок прозвучал, как выстрел, и бойцы мгновенно сощурились, привыкая в слепящему свету.

Они нашли их в большой спальне. Два скорбных скрюченных трупа. Отца с кинжалом в груди и с умершей малышкой в холодных объятиях. Багровые рубины холодно сияли, будто бы впитывая в свои голодные недра мельчайшие всполохи электрического освещения. Рядом с трупами на полу белела странная маска. Она словно жила своей жизнью, переливаясь чарующим перламутром. Виктор устало вздохнул и почесал затылок. Едва взглянув на мертвеца, он сразу же понял, что именно этот кинжал, нашедший новую жертву, и является орудием всех недавних убийств. Но преступник перед ними или очередная безвольная жертва, ещё предстояло узнать. Больше им тут делать нечего.

Непреодолимая сила заставила Виктора наклониться и поднять с пола маску. Он и сам не понял, как вещь оказалась в руках. Волна теплоты прокатилась по напряженному телу. Перед мысленным взором пронеслись красочные картины всех недавних убийств, и он с ужасом осознал, чья ка-

рающая длань наносила смертельный удар. Округлившимися глазами взирал он на хрупкое тело скукоженной девочки и, сам того не замечая, всё крепче стискивал маску. Вот кровавые реки сменились на яркий манящий пейзаж вечно зелёного континента. Завороженный, он замер, а в голове каруселью кружили неожиданные мысли. Как давно он не был в отпуске? Почему бы ему не слетать на экскурсию в Африку? Там же такие обворожительные красоты, прекрасные юные девушки со жгучими взглядами и глянцевыми податливыми телами, сексуально танцующие под полной луной. Следователь тряхнул головой, и картины исчезли, растворились в воздухе, прочно впечатавшись в чувствительный разум. По коже прошла мелкая дрожь, и ему мучительно захотелось приложить чудо-вещицу к лицу, но всё же Виктор сдержался. «Не здесь, не сейчас, может быть, дома...»

Тьма, одетая в летний туман, проникала в глаза, рот и уши. Кожа лица невероятно чесалась и горела. Реальность медленно ускользала, а на зубах чувствовался привкус сухого песка, пряных трав и зловонного дыма. Мужчина был совершенно дезориентирован, хоть умом и понимал, что находится в своей тесной хрущёвке, но все разом взбесившиеся чувства твердили обратное. Всем своим ничтожным существом он ощущал внутри себя биение чего-то огромного, грандиозного и чужеродного. Оно, как вторгшийся в разум злобный захватчик, пыталось подмять под себя, рас-

творить в своих чёрных клубящихся недрах его сжавшийся, подобно песчинке, разум. То, что осталось от некогда волевого оперативника, растерянно отступило, подчиняясь беспощадному напору. Но крошечная искорка живого тепла всё ещё едва тлела в глубинах помутившегося рассудка, ещё не угасла в агонии, предоставив захватчику полную власть над оцепеневшим телом. Пусть и слабо, но она сопротивлялась, не позволяя сознанию увязнуть в беспросветности чужого вторжения. Даже наоборот, внезапно вздрогнула, подчиняясь отчаянным порывам души, вспыхнула, разгоняя крошечную тьму, и задышала. Колючими протуберанцами света рванулась она навстречу пучине, разрастаясь сквозь рваные прорехи визжащих ошметков. Иссущая пульсирующий мрак живительными ростками надежды, веры и исцеления. Тьма дрогнула и отступила. Обливаясь холодным потом, трясущимися руками Виктор стянул с лица коварную маску и ошалело уставился в пустые глазницы. А пустые ли? Там, в трепетном ожидании, в глубине первозданной тьмы недовольно ворочалось что-то огромное и чудовищное.

Первый раз она пришла к нему во сне. Такая вся жаркая с алебастрово-глянцевой кожей. Как богиня, она манила его к себе ласковым взглядом, нежным покачиванием тяжёлых бедер и лёгким зовущим трепетом тоненьких пальчиков. Длинные шелковистые пружинки волос едва прикрывали хрупкие плечи и высокий покаты́й лоб незнакомки. Глаза,

подобно искрящимся самоцветам, сияли из-под пушистых ресниц, а пухлые губы, словно розовая влажная раковина, жаждали поцелуев.

Напряженное тело Виктора обдало жаром, а что-то когтистое, притаившееся в душе, запальчиво встрепелулось. Мужчину влекло к этой трепетной нимфе, к нежным впадинкам томного тела, к мягкому шелку чёрных кудрей, к ласковым тёплым ладоням и к призывному шёпоту пунцовых губ. Он не посмел противиться и потянулся к незнакомке всем телом, поддался напору страстей и с грохотом рухнул с кровати.

Виктор ещё никогда не испытывал столь длительную эрекцию, и теперь взъерошенный, весь взмокший, как мышь, он вновь одиноко лежал на пустой и холодной постели на влажных скомканных простынях, пытаясь отдышаться и взять себя в руки после такого ошеломляющего сна.

А потом дни потянулись рутинной вереницей. Яркость бытия сменила серая монохромность, и только лишь ночные видения приносили крупицу радости в опостылевшую действительность. Виктор осунулся, похудел. Настроение его менялось со скоростью мысли. Дела валились из рук в участвовавших приступках рассеянности. А по ночам он ощущал себя как-то иначе. Куда-то исчезал неуклюжий увалень, и перед чернокожей дьяволицей являлся преобразившийся молодец. Каждый скомканный день он горел в предвкушении сладостных встреч, а по ночам уносился в невиданную стра-

ну страстных грёз.

В один прекрасный момент, а для Виктора он был тягуч и скучен, майору наконец-то надоело наткаться придирчивым взглядом на мрачную физиономию некогда энергичного подчинённого. Вызвав следователя к себе в кабинет, он участливо осведомился о здоровье Виктора, справедливо предположив, что капитан выдохся на работе. Не получив вразумительного ответа, седовласый оперативник всё же отметил про себя, насколько изменился его подчиненный, и, не раздумывая, подписал приказ об отпуске. Из кабинета майора Виктор выходил, словно танцуя, едва касаясь пола. Он уже точно знал, куда отправится отдыхать.

А вы, знаете?

Улана Зорина

Месть
загубленных

ДУШ

Часть 2

Месть загубленных Душ

Они кружили вокруг него незримыми тенями. Тянули к лицу тонкие руки. Их скрюченные пальцы с длинными изогнутыми когтями непрерывно шевелились, хватая воздух вокруг спящего мужчины. Среди множества бледных женских фигур выделялась одна: хрупкая, маленькая и беззащитная. Длинноволосая девочка прозрачным облаком кружилась вместе со всеми, безумно кривя распахнутый рот. Бездонные дыры вместо глаз клубились густой тенью и с ненавистью пялились на спящего. Беззвучно вопя, белёсые тени одна за другой кидались на свернувшееся клубком тело, но тут же отскакивали, отброшенные незримой стеной междумирья. Злобно скрежеща зубами, они раз за разом пытались пробиться и разорвать на клочки такого близкую, но безумно далёкую жертву.

Глава 6

1987 год.

Жизнь в городе вяло ворочалась в утреннем зное. Едва ли перевалило за семь, а духота прочно стиснула улочки в жарких тисках, выдавливая с кислых лиц редких прохожих семь горячих потов. Призрачное марево трепетало над раскалённым асфальтом, не давая пернатым вальяжно расслабиться и заполнить дороги своими жирными серыми тушками. Долгожданное лето ещё лениво топталось на пороге, а майские будни наполнились сухим пеклом. Старожилы расстроено сетовали на аномальную жару в этом году, предрекая скорую засуху и гибель посевов.

Детвора же, наоборот, с замиранием сердца ждала, когда же прозвенит последний звонок и можно будет расслабиться, безрассудно гоняя во дворах пузатый футбольный мяч. Или с утра до самого вечера, задорно крича и толкаясь, выстраиваться в длинную очередь, чтобы хоть один круг по двору со счастливой улыбкой промчаться на единственном в дворовом котле велосипеде. Затем нехотя передать сверкающий руль в другие жадные руки и, жалобно заглядывая в глаза напыщенному хозяину сего двухколёсного чуда, сунуть украдкой в его ладонь припрятанную от матери новенькую машинку. О чём ещё мог мечтать простой городской мальчишка в преддверии уходящего школьного года с его

душными классами, строгими учителями и дразнящими играми солнечных зайчиков в белых клетках надоевших тетрадок?

Так и в вихрастой головёнке худенького мальчишки уже вовсю раздувался мыльный пузырь грандиозных планов, когда он, забавно насвистывая, привычно скатился по заскорузлым перилам. На минуту зависнув над пыльными ступенями подъезда, Петя ловко спрыгнул на площадку перед неприметной старенькой дверью и небрежно надавил кнопку звонка. Забористая трель, как всегда, заставила мальчишку поморщиться. В небольшой однушке жила с мамой Танька, его одноклассница. Она, конечно же, девчонка, но зато весёлая, добрая, а главное, с ней не скучно тащиться в ненавистную школу, придумывая на ходу кучу новых интересных занятий на каникулы.

Но сегодня каждодневный ритуал был нарушен. Петя безмерно удивился, когда не услышал за дверью быстрых шагов одноклассницы и, растерянно почесав кончик носа указательным пальцем, огляделся. Казалось, что вертлявая девчонка вот-вот выскочит откуда-то из-за спины и громко рассмеётся. Но вокруг никого. Ничего не предвещало беды, и Петя ещё раз вдавил когда-то белую, затёртую кнопку.

И снова ему никто не открыл. Сердито нахмурившись, Петя решил бахнуть по двери, вложив в удар как можно больше обиды и нетерпения, ведь из-за Таньки они могут и опоздать. Сжав кулаки, как заправский боксёр, мальчик напрягся

и, стиснув для пущей уверенности зубы, что есть сил саданул дверь, которая словно бы этого и ждала. Легко поддавшись, она будто бы испугалась гнева мальчишки и широко распахнулась, громко стукнувшись об косяк. Такой подставы юный гроза хмурых подъездов не ожидал и, не удержавшись на ногах, неожиданно для себя кулём ввалился в узкую прихожую.

Отряхиваясь и отдуваясь, Петя в панике вскочил и окликнул хозяев. Танька жила вдвоём с мамой. Отец их давно бросил, и женщина перебивалась, как могла, воспитывая дочь в одиночестве. На зов никто не пришёл, и вместо того, чтобы позвать кого-то из взрослых, Петя, приободрившись, сам решил разведать, что скрывает от глаз клубящаяся тишина мрачной комнаты. Крохотная однокомнатная квартирка уныло встретила гостя молчаливыми сумерками. Все окна были плотно занавешены ночными шторами, и он едва ли мог что-то увидеть. Мельком глянул в кухоньку, пусто. Петя, крадучись, двинулся по тёмному длинному коридору, словно по чреву волшебного зверя. Застыв на пороге широкой комнаты, он ещё раз окликнул хозяев, но, так и не дождавшись ответа, без колебаний шагнул внутрь.

Обеих он нашёл на кровати. Танька и её мать мирно лежали, раскидав белые руки поверх скомканных простыней. Петя улыбнулся, подумав о том, как напугает сейчас Таньку, которая, естественно, начнёт визжать. И с этими мыслями, прикусив от волнения нижнюю губу, потянулся он к худенькой ручке, призывно торчащей над материнским телом.

Чтоб добраться до Таньки, ему нужно было перегнуться через её спящую мать, что он и сделал без колебаний, но что-то сразу пошло не так. Висящий на одном плече тяжёлый портфель внезапно сорвался и с громким шлепком рухнул прямо на лицо женщины. Петя в ужасе замер, ожидая криков и возмущения, но никто даже не шелохнулся. Она так и лежала с тяжелой поклажей на голове недвижимой, молчаливой колодой, а Танька, казалось, и вовсе не слышала громкого звука. Кровь застыла густеющим студнем, не желая бежать по натянутым жилам, в распахнутых глазах вспыхнул растерянный огонёк, первый вестник животного страха. Не совсем понимая происходящее, упрямо игнорируя одноклассницу, Петя потянул злополучный портфель на себя и в ужасе всмотрелся в лицо женщины. Белое, без единой кровинки, с ввалившимися вглубь неестественно вытаращенными мутными глазами, оно было похоже на страшную маску: от удара уголок рта слегка скривился, приподняв почему-то лиловые губы, приоткрывая глазу мальчика желтоватые зубы. Ледяной озноб окатил спину Пети в нехорошем предчувствии, царапнул когтистыми лапками позвоночник и забрался холодными липкими пальцами прямо за пазуху. Петя не был трусом, но и его пробрало до самых костей. Невольно поёжившись, он решительно сжал тонкие губы и, выпятив вперёд подбородок, робко коснулся бледной щеки дрожащими пальцами. Что-то неясное, неправильное мельком зацепило боковое зрение, и взгляд Пети стремительно метнулся

вниз. Там, где должен был находиться живот Танькиной матери, на застиранной простыне тянулось тёмно-красное пятно с бурыми подтёками. Будто ушатом холодной воды окатили мальчишку, и он слабо пискнул, тут же шарахнулся прочь. Ноги его сразу запутались, зацепились и потащили за собой скрученное в тугой жгут вафельное полотенце. Ожившей змеёй оно хваталось за щиколотки, тянуло мальчишку обратно и не давало свободно шагнуть. Лихорадочно дрыгая ослабевшими ногами, не сводя ошалевшего взгляда с багрового росчерка на простыне, он забыл, как дышать. Едва сумев скинуть ненасытную гадину, Петя наконец-то втянул в себя воздух и, боясь отвести глаз от страшной картины, надолго впечатавшейся ему в мозг, на дрожащих ногах пятился прочь. Волосы на голове Пети зашевелились от внезапно нахлынувшего понимания и, забыв про тяжёлый портфель, вращая глазами и кривя рот, он бросился вон из квартиры. Громогласно вопя на весь подъезд, взъерошенный и испуганный, мальчишка, не глядя, перепрыгивал ступеньки, словно за ним гнались черти.

Милиция, вызванная встревоженными соседями, причалась на удивление быстро. Лысый плюгавенький патологоанатом, едва осмотрев жертв, моментально определил причину смерти обеих по характерной синеве опухших губ, лопнувшим капиллярам, алой сетью покрывающих белки глаз жертв, и сиреневой полосе, проступившей на посерев-

шей коже основания шеи. Озадаченные криминалисты растерянно прочёсывали макушки. Отпечатков нигде не было – предусмотрительный преступник всё тщательно за собой вытер. Следов взлома и борьбы тоже не обнаружили, из этого следовало допустить, что жертвы хорошо знали убийцу и сами его впустили в дом. Бледный, как мел, молодой участковый, прибывший на место преступления первым, виновато топтался в сторонке, стараясь не мешать оперуполномоченным из угрозыска, пока те хмуро прятали глаза и гневно качали головами, дотошно расспрашивая соседей. «Что за выродок мог такое натворить? Задушить полотенцем женщину и ребёнка! А потом ещё неизвестно зачем вскрыть живот несчастной женщине», – думал участковый, стараясь не смотреть на жертву. Внутренности были не тронуты, лишь рваные края страшной раны безобразно надорваны и широко раздвинуты, открывая на обозрение клубок сизых, дурно пахнувших внутренностей.

Капитан Панюков Дмитрий Андреевич, тогда ещё старший следователь уголовного розыска, седовласый, серьёзный мужчина с хитрыми, добрыми глазами, не мог не прослезиться, глядя на хрупкое тело, изломанной веточкой раскинувшееся на скомканных простынях. Рядом с ним, кусая бледные губы, замер старший лейтенант Виктор Воронков. Он только было отошёл от визгливой полной дамы и направился к мальчонке, как глаза его вновь метнулись к кровати.

Чёрный ёжик волос покрылся испариной, а острый взгляд

помутнел от переполнявших душу эмоций. Кровь отхлынула от лица, а он всё стоял недвижимой скалой, не сводя глаз с тонкой детской ручонки, безвольных птичьих пальчиков и крохотной слабой ладошки. Шедшего следом молодого лейтенанта и вовсе скрючило, замутило, и он стремглав, прижимая ладони ко рту, выскочил из квартиры.

На кухне обнаружился накрытый стол и один недопитый бокал с вином. Второй же, отмытый, небрежно был брошен в замызганной раковине. Тихонько перешёптываясь, криминалисты взъерошенными коршунами склонились над новыми уликами, но, увы, чётких отпечатков и с этих снять тоже не удалось. Оставалась слабая надежда на случайных свидетелей и поиск убийцы среди близкого окружения женщины.

Чего опасались, то и случилось: опрос соседей так ничего и не дал, кроме того, что у Надежды имелся бывший муж, отец маленькой Тани, в бытность совместного проживания неоднократно их избивавший. Но, как указала грузная соседка, тот давно бросил семью и с тех пор не показывался в квартире вообще. Однако Дмитрий Андреевич немедля отметил мужчину как главного подозреваемого и поручил лейтенанту разузнать его адрес. Параллельно с этой пробивались и другие мало-мальски заслуживающие внимания версии.

Прибывшая бригада ловко упаковала трупы по чёрным мешкам, тем самым лишив столпившихся ротозеев причины

шумно толкаться на лестничных проёмах, гудя, как пчелиный улей, и с умным видом распускать слухи, один нелепее другого.

Разъехалась и милиция, получив пищу для мозга и задание от командира.

А позже, уже в отдел, заявила высокая заплаканная женщина. Она нервно мяла в руках скомканный носовой платочек, то и дело прикладывая его к красным глазам. Марина, так звали лучшую и, как оказалось, единственную подругу убитой, и поведала следствию о последних днях жизни одинокой Надежды. С её помощью прояснилось, что та в последнее время вела очень активный образ жизни в поисках себе мужа и отца для Танюши. И даже продвинулась в этом деле, таки заимев подходящего ухажёра.

Дорога была не из лёгких. Машину трясло на ухабах, немилосердно бросая из стороны в сторону, и матерящие на все лады три мужика болтались в салоне безвольными маррионетками. Но вот наконец-то водитель сжалился над покрасневшимися напарниками и облегчённо надавил тормоза. Повинуясь посылу хозяина, железный конь замер на месте, пару раз дёрнулся, будто всхрапнул, и застыл в ожидании новых заданий.

Мужчины судорожно выдохнули, приободрились, даже повеселели как-то и, не сговариваясь, потянулись наружу.

Выйдя из служебной копейки вместе с двумя оперативни-

ками, Панюков вдохнул полной грудью свежий деревенский воздух. Молодые милиционеры слегка расслабились, снимая фуражки, чтобы утереть выступивший пот с разгорячённых лиц. Виктор взъерошил влажный ёжик волос и, прикрыв ладонью глаза, жалобно покосился на командира.

– Андреич, может, за домом глянуть?

– Давай, Вить, действуй, – согласился Панюков и кивком отослал подчинённого. Шустрой тенью метнулся тот в сторону и уже через несколько минут вернулся назад ни с чем.

– Всё тихо, – пожал он плечами и привычным жестом одёрнул форму.

Оглядевшись внимательным взглядом, Виктор отметил ленивое спокойствие сельского быта, окружавшего небольшой приземистый домик. За низким частоколом, развиваясь разноцветными флагами, на натянутой между деревянных столбов верёвке сушилось бельё. Деловито кудахтая, бродили по двору упитанные куры, косясь на чужаков подвижными бусинками глаз. Между ними гордо вышагивая красавец петух. Его алый мясистый гребень нелепо свешивался на одну сторону, что нисколько не мешало хозяину высокомерно оглядывать свой разнопёрый гарем.

Гремя железной цепью, из пыльной будки выбрался кудлатый пёс и пытливо уставился на незваных гостей. Раззявив огромную пасть, он вывалил влажный язык и забавно склонил на бок свою лобастую голову, будто раздумывая, стоит подать голос или ещё нет. В чёрных глазах лохматого сторо-

жа мелькнул злобный огонь, словно бы тот наконец сделал выбор. Пёс утробно взрыкнул и залился ухающим лаем, кидаясь на оперативников.

Все трое, не сговариваясь, отпрянули от калитки и встревоженно переглянулись.

– Здоров, зараза, – вырвалось у Виктора, и он нервно вздрогнул. Сашка Савинков, его напарник, совсем ещё мальчишка, светловолосый и розовощёкий, боязливо передернул плечами и шумно втянул носом воздух, опасливо озираясь на грозного сторожа.

Ещё не успев матюгнуться, Панюков услышал скрип двери и неловко подался вперёд, прислоняясь предплечьем к забору. На пороге с ноги на ногу переминался худощавый мужчина, нервно теребя в руках незажжённую сигарету.

– Фу, Булат! Место! – строго рявкнул хозяин, и пёс, поджав хвост и недовольно урча, скрылся в будке.

– Вы к кому? – твёрдым голосом осведомился мужчина, щурясь от яркого солнца.

Ловким движением выудив из внутреннего кармана форменного пиджака красную корочку, Панюков представился:

– Старший следователь уголовного розыска, капитан Панюков Дмитрий Андреевич. Здесь проживает Маркелов Иван Павлович? – внимательным взглядом он наблюдал за мужчиной, стараясь не упустить даже малейшего изменения выражения лица последнего, но тот был совершенно спокоен. Удивлённо вскинув лохматую бровь, хозяин

медленно двинулся навстречу гостям, продолжая разминать в пожелтевших пальцах хрустящий белый столбик. Уловив взгляд седого, мужчина с улыбкой пояснил:

– Да, вот, пытаюсь курить бросить. Жена у меня беременная, совсем взбеленилась. Запах сигарет её бесит, – и, подняв железный крючок, он гостеприимно распахнул перед оперативниками хлипкую калитку.

– Ну, я Маркелов, – протянул руку он вошедшим мужчинам.

Пожимая протянутую ладонь, Панюков отметил про себя, что рукопожатие твёрдое, в меру сильное. Виктор же с интересом осматривал хозяина. Невысокий, худощавый, но не тощий, а, скорее, жилистый, Иван не производил впечатление жестокого убийцы. А с другой стороны, если бы можно было так легко распознать преступников, следователи были бы и вовсе не нужны.

Внимательно следил старший лейтенант за беседой, менее всего походившей на допрос подозреваемого, ловя каждое слово, присматриваясь и прислушиваясь.

– Что привело вас в такую глушь?

– Когда вы в последний раз виделись с бывшей супругой? – не переставая наблюдать за лицом хозяина, вопросом на вопрос рубил следователь. Брови мужчины взметнулись наверх, изогнувшись ровными дугами.

– С Надей? Да уж и не вспомню сейчас. Давно это было. Случилось что? – тут, видимо, до Ивана дошло, что просто

так к бывшим милиция не приезжает. Он заметно напрягся, и глубокая складка прорезала лоб.

– Где вы были прошлой ночью? – не переставал наседать Панюков, а глаза подчинённых встревоженно вспыхнули.

– Как где? – опешил мужчина, растерянно бегая глазами с одного хмурого лица на другое. – Дома, конечно. Я вообще сейчас никуда не хожу, даже отпуск взял на работе. Вон, смотрите, – махнул он рукой в сторону дома. Там у распахнутой двери молчаливой тенью стояла хрупкая бледная женщина, поддерживая руками огромный выпирающий живот.

– Света не может долго стоять и работать пока... Я и остался. Ей уж вот-вот. Милая, – кинулся он к женщине любящим лебедем, – Ну что же ты, пошла, прилегла бы, – оперативники озадаченно переглянулись. Ну никак не вязался этот заботливый муж с образом изувера, описанного соседями пострадавшей.

– У нас имеются показания соседей, что вы били свою бывшую супругу, – повысил голос Панюков. Виктор напрягся, за ним подтянулся и молодой напарник. Маркелов растерянно оглянулся и, придерживая супругу под локоть, помог той спуститься с крыльца. Лоб его покрылся недовольными морщинками, а плечи предательски сникли. Он чуть качнул головой, сузил глаза и беззлобно выругался.

– Донесли, догодники? Да, каюсь, было дело. Я ничуть не горжусь этой страницей своей прошлой жизни. Понимаете, как вам сказать... Сошлись мы с Надей по залету. Ей

было всего семнадцать, когда она забеременела. Я постарше, и она пригрозила меня посадить, если я не женюсь. Какая уж тут будет любовь? Конечно же, всё было по обоюдному согласию, – поспешил пояснить Иван, заметив искру в глазах старшего следователя, – но разве кому докажешь? Сначала смирился и думал, что стерпится, слюбится, – руки взметнулись по сторонам ладонями кверху. – Но не срослось. Как жить с нелюбимой? Стал часто выпивать и поколачивать супругу, но не более. А потом встретил Светочку, – лицо мужчины разгладилось, посветлело. В глазах расплескалась безбрежная нежность, – и ушёл. Не жалея и не раздумывая бросил всё. С той поры и живём потихоньку.

– Значит, вы не знаете, кто мог желать смерти Надежде?

– Да Бог с вами! – побледнел Иван, запнувшись и едва не выпустив узкую руку жены из своих дрогнувших пальцев. – Надю убили? Не может быть! Боже мой... Как же так... – женщина слабо пискнула и, побледнев, повисла у него на шее. А тот лишь растерянно заглядывал в строгие лица, всё пытаюсь понять, не шутят ли милиционеры. Но нет. Те хмуро сверлили их суровыми взглядами, уже понимая, что начали с ложного пути.

– А как же Таня? – спохватился никудышный отец.

– Вы не ответили, Иван Павлович, – пристально глядя мужчине в глаза, сказал Панюков.

– Я не знаю... Я не виделся с ними с тех пор. Понимаете, у меня своя жизнь, а Надя устраивала свою. Она не давала

мне видется с дочкой, а я и не настаивал... – опустил он стыдливо глаза. – Спросите лучше Марину. Они были очень близки. Ну как же Танюша? Скажите мне! – робкий лучик надежды зажёгся в глазах, но Иван поймал на себе осуждающий взгляд, и тот вновь угас, утонув, захлебнувшись в солёной, нахлынувшей влаге.

Назад ехали молча, каждый обдумывал новые факты, делая свои собственные выводы о сложности дерзкого дела. Алиби Ивана подтвердила его беременная жена. И вообще оснований для подозрений этого мужчины у следователя не возникло.

– Итак, что мы имеем, – не выдержал Панюков. – Женщина и ребёнок зверски задушены, из дома ничего не похищено, на замке следов взлома нет. Все отпечатки стерты, улики уничтожены.

– Хитрый преступник попался, – согласился с командиром Виктор и задумчиво почесал подбородок.

– Да уж, не глупый, – поддакнул напарник. Симпатичный белокуроый Савинков Александр совсем недавно связал свою жизнь с милицией. Это было первое важное дело, на которое его взяли старшие коллеги. В широко распахнутых голубых глазах парнишки сиял волчий азарт и восторг от осознания причастности к общему самоотверженному служению людям. Виктор же, наоборот, смотрел в окно тревожным взглядом. Он уже знал, что если преступление не открыли по го-

рячим следам, то, скорее всего, оно и вовсе зависнет неразгаданным грузом. А это дело грозило стать именно таким. Долгим, нудным всяком.

За окном проносились деревья, бескрайние пашни, поля. А перед задумчивым зелёным взглядом впечатлительного старшего лейтенанта висела картина недавнего преступления: тонкая детская ручка с безвольно разжатыми пальчиками и бледное личико с тёмными кругами вокруг закрытых глаз. Никогда уже эта девчушка не встряхнёт головой в задорном порыве, никогда не увидит, как прекрасен и ярок летний закат. Неведомое чудовище так беспощадно и безжалостно отняло у неё жизнь. Так просто, не задумываясь, одним движением грязных рук оборвало дыхание, навсегда лишив юное тело Божественной искры тепла. Что же за зверь на такое способен?

Мягкий и романтичный Сашка уже давно решил связать свою жизнь с борьбой против преступников. В своё время он отслужил срочку и, следуя давней мечте, отучился в школе милиции. Сейчас же молодой розовощекий лейтенант горел желанием схватить поскорее убийцу и доказать всем, а особенно самому себе, что выбрал правильный путь. Парня до глубины души возмущала циничность и жестокость преступника. Ну чем могла помешать одиннадцатилетняя девочка? Ведь она даже описать убийцу не сможет. Если только он не хорошо ей знаком, а значит, бывал в гостях, и не раз, у несчастных.

Этой своей догадкой и поделился Савинков со старшими товарищами.

– Молодец, Санёк, соображаешь, – похвалил того Панюков и скупно улыбнулся, покосившись на темноволосого оперативника.

– Раз впустила убийцу, значит, надо искать среди близких друзей, – между прочим заметил Виктор, поймав на себе стальной взгляд капитана.

Старший товарищ был для начинающих юнцов примером для подражания. Оба они уважали Панюкова и старались во всем походить на него. Так же задумчиво хмурить брови, степенно оглаживать пальцами подбородок. Рано поседевший капитан, самый молодой и хваткий старший следователь уголовного розыска, был не на шутку встревожен. Юркая рыбка грозилась избежать сетей незадачливых рыбаков и безнаказанно залечь на дно, затаившись перед новым смертельным броском.

К отделению подъехали только к вечеру. Палящее солнце уже не дышало жаром, заставляя обывателей прятаться от нещадного зноя. Устав от своей щедрости, оно стало ласковым и приятным. Ленивый ветерок отступил, потихоньку прекращая кидать в лица душный зной, и остепенился, готовясь к завтрашнему новому дню. Свет медленно угасал, превращая дневное сияние в мягкие тусклые сумерки.

Рабочий день подходил к концу, но в кабинете у Паню-

кова яблоку негде было упасть. Тут были и Виктор с Александром, и остальная часть следственной группы, даже сам начальник отделения, майор Туполев, оставил свой просторный кабинет, чтобы послушать привезённые с полей новости. Пожилой грузный майор уже всерьёз подумывал об отставке, а лучшей кандидатуры на его место, чем Панюков, сложно было представить. И парнишки его молодые да хваткие. Вон, как вцепились за дело зубами, не оторвёшь. Не долго им носить сержантские лычки, ох не долго. Молодцы, орлы. А ему что? Закрывать это дело да на покой. Пусть новая смена угли загребает голыми пальцами. Учится на ладошки дуть. А ему уже хватит.

Отчитавшись о поездке в деревню, оперативники в свою очередь выслушали городские новости. Оказывается, у Надежды имелся жених. По словам Марины, соседки и лучшей подруги погибшей, которая их и познакомила, это был весёлый творческий парень. Добрый, надёжный, играл на гитаре. Работал водителем грузовика и имел серьёзные виды на молодую женщину. Митрошкин Алексей 24 лет, холост, не привлекался, в данный момент как раз должен был уйти в рейс.

Познакомилась Марина с ним совершенно обыденно. В нужный момент отзывчивый парень оказался, в нужное время. Он помог Марине не опоздать на работу. Показался ей очень общительным и хорошим парнем. Вполне себе сим-

патичным, романтичным и эмоциональным. Марина и решила познакомить его со своей одинокой подругой. Надюшка приглянулась Лёше сразу. Он так восторженно отзывался о ней. Называл своей Феей. Смотрел, как на принцессу. На Марину он так не смотрел. Сразу видно, влюбился мальчишка по самые уши. Надя не сразу ответила, всё сомневалась. Ведь мальчик помладше её, да и всерьёз с ним сходиться она не решила ещё. Танюшке же нужен отец, а какой из Алёшки папаша? Так, повстречаться...

Недолго думая, Панюков с напарниками снова нырнули в ещё не остывшие недра служебной копейки и, срывая натужный движок, рванули по новому адресу.

Дверь им открыл светловолосый кудрявый парень с внимательными карими глазами. Чисто выбритые пухлые щёки, хищный с горбинкой нос и тонкие поджатые губы. В настроенных глазах светился вопрос.

– Мирошкин Алексей Николаевич? Старший следователь уголовного розыска, капитан Панюков Дмитрий Андреевич, – потрянув перед лицом растерянного хозяина корочкой, отрапортовал оперативник.

– Да, я Мирошкин... Что случилось? Я в чём-то виноват? Мне в рейс надо...

– А мы сейчас и выясним, виноваты вы или нет, – строго зыркнув на стушевавшегося парня, Панюков отодвинул его с дороги и по-хозяйски протиснулся внутрь квартиры.

За ним потянулись и оперативники. За спиной звонко щёлкнул замок, и капитан обернулся. Взъерошенный хозяин так и стоял, прислонившись спиной к двери и ошалело плясая на вошедших.

– Да вы не пугайтесь, милейший. Где мы можем поговорить? – и, пройдя в указанную Мирошкиным комнату, Панюков вальяжно уселся на стул. Двое милиционеров, дождавшись, пока хозяин устроится рядом, грозными тенями остались в проходе.

Комнатой оказалась маленькая уютная кухонька. Жёлтые обои в мелкий цветочек внушали спокойствие и отраду. Обеденный стол украшала лиловая клетчатая скатерть. Такие же занавески едва прикрывали окно, широким воланом ниспадая на подоконник. Повсюду красовались кружевные салфетки и мягкие полотенца. На последних взгляд Панюкова задержался подольше. Алексей сидел на краешке стула, сведя вместе колени и положив на них дрожащие ладони. Этот взлохмаченный взволнованный парень выглядел, как нашкодивший школьник. Мысленно усмехнувшись, Панюков строго сузил глаза цвета стали и, нахмурившись, вперился в парня. Тот заёрзал сильнее.

– Итак, вы знакомы с гражданкой Маркеловой Надеждой Степановной?

– С Наденькой? – карие глаза испуганно вспыхнули, а круглые щёки покрылись румянцем, что не укрылось от зоркого взгляда. – Да, конечно, – уже взяв себя в руки,

продолжил парень, – это моя невеста, а что случилось?

– Как давно вы знакомы с гражданкой Маркеловой?

– Да недели две или три... – замялся хозяин, брови Панюкова изумленно взметнулись.

– Две недели знакомы и уже решили пожениться?

– Ну да, а чего тянуть? Она красивая, умная, добрая. Настоящая фея, – карие глазки лихорадочно заблестели и заметались по кухне.

– Вас не смутило то обстоятельство, что у Маркеловой есть дочь? – не сводил капитан с подозреваемого внимательного взгляда.

– Нет, что вы, дети – это цветы жизни! – запальчиво воскликнул парень, но тут же смутился. – А почему вы об этом спрашиваете? Что случилось с Наденькой?

– Где вы были вчера ночью? – продолжал игнорировать встречные вопросы Панюков, а сам не сводил глаз с молодого водителя.

– Вчера я был дома, – грустно потупился тот, – вечером я ходил к Наде, сделал ей предложение, но она меня и в дом не пустила. Я не понял, что случилось, наверное, другого себе нашла, пока я был в рейсе. Вернулся домой, напился и спал. Так вы скажете мне, что случилось?

– Вчера ночью гражданка Маркелова была задушена в своей квартире вместе с малолетней дочерью. Вы не припомните, может, кого видели там? Может, у неё кто-то был в доме? – сухо чеканя слова, произнёс капитан.

– Да вы что! – парень вскочил, как ужаленный. Виктор поцокал языком: если это игра, то насколько ж искусная!

– Как? Я знал, я чувствовал, что что-то не так! Не могла она... разлюбить... А ведь я жениться хотел! Я любил её, понимаете? – блеск карих глаз сменился ручьями солёной влаги. По пухлым щекам, до кокетливой ямочки на выбритом подбородке. Панюков поморщился. Что-то фальшивое чудилось ему в этом спектакле, неискреннее и заученное.

– Кто может подтвердить ваше алиби?

– Никто, я живу один. Я сирота. Возможно, соседи? Но я не уверен. Может, кто и видел, как я вечером вернулся домой, не знаю, – встревожился парень, заметался по крошечной кухоньке. Вытирая ладонями мокрые щёки, он по очереди заглядывал в лица сыщиков, цеплял их за форму холодными пальцами, вёл себя, как растерянный, сбитый с толку влюбленный.

– Вы, что же, думаете...? Это я её, того? Нет, это не я! Я любил Наденьку, понимаете? – не находя отклика в хмурых мужчинах, Алексей скис, занервничал, а в глазах стал проскакивать страх.

– Пройдёмте с нами в отдел, надо запротоколировать ваши показания, – Панюкову наконец надоел этот цирк, и он грубо прервал все душевные излияния.

Ехали молча. Мирошкин всё всхлипывал и картинно вздыхал, а сидящие по бокам его Виктор с Александром

встревоженно переглядывались.

Позже, взяв письменные показания, водителя всё же задержали по подозрению в убийстве. Он единственный не имел алиби на время убийства и, как ранее выяснилось, был запросто вхож в квартиру потерпевших на правах жениха. Конечно, всё это ещё не улики, а лишь косвенные доказательства, но всё-таки лучше, чем ничего. Прямых улик против Мирошкина нет, и любой адвокат в пух и прах разобьёт натянутые обвинения. Это все понимали и, насупившись, хмурили брови.

Когда розовощёкий лейтенант уводил возмущающегося подследственного, Виктор поймал на себе его цепкий, ненавидящий взгляд.

Черноволосый оперативник, почесав ёжик жестких волос, повернулся к Панюкову и осторожно высказал своё мнение.

– Мне кажется, что он врёт.

– Ты тоже почувствовал какую-то неестественность? – встрепенулся тот.

– Слишком наигранно выглядело горе отвергнутого любовника. То жениться собирались, то она выгнала его. Что-то тут не сходится. Не исключено убийство на почве ревности.

– А пробей-ка этого Мирошкина, Вить. Что за птица? Только давай уже завтра, а сейчас по домам.

Сумерки плавно перешли в летнюю ночь. Блестящие звёзды яркими искорками весело подмигивали свысока, обещая волшебные сны. Бледным пятном сияло ночное светило,

провожая мужчину своим холодным и равнодушным взглядом. Где-то на востоке клубилась неожиданная тьма, жадно поглощая мерцающий небосвод. Ветер утих, будто бы притаился. В воздухе запахло свежестью. Но ушедший в себя оперативник этого не замечал. Чеканя шаг, Виктор спешил домой, чтобы наконец отдохнуть, а завтра с новыми силами ринуться в бой.

Утро встретило Виктора хмурой прохладой. После долгой жары мелкий срывающийся дождик казался благословенным. Пасмурное небо клубилось свинцовыми тучами, всё сильнее нависая над городом тяжёлыми ватными глыбами. Порывистый ветер, пропитанный влагой, швырял в лицо старшего лейтенанта холодные брызги. Быстрым шагом добрался он до отделения, сжимая в руке чёрный зонт, как трепещущее на ветру мрачное знамя.

В отделе его ждал неприятный сюрприз. Хитрый лощёный тип с прилизанными чёрными волосами и такими же пижонскими усиками встретил оперативника ехидной улыбкой.

– Здорово, Воронков, где тут ваш подследственный?

– А тебе зачем? – торопливо складывая зонт, Виктор нервно его встряхнул.

– Ну как же, – ещё шире расплылся в улыбке прилизанный. – А ты ещё не в курсе? Мирошкин потребовал адвоката, – и, одёрнув отглаженные борта классического пиджака, мужчина покрутил головой, с хрустом разминая шею.

Виктор нахмурился.

– Панюков в курсе?

– А то, кто ж меня, по-твоему, вызвал?

Растерянно пожав плечами и прошагав мимо своего кабинета, Виктор направился прямо к начальнику.

Вежливо постучав, приоткрыл дверь.

– Дмитрий Андреевич, можно?

– Проходи, Вить. А, Денис, ты тоже входи.

Адвокат, словно хищный зверь, быстро шагнул в кабинет, занимая один из пустых стульев. Виктор сел на другой.

– Значит вот как получается, – насупился Панюков, барабаня костяшками пальцев по столу, – наш Ромео потребовал адвоката. Ну что ж. В этом мы препятствовать не имеем право. Сержант! – крикнул хозяин кабинета. Дверь скрипнула, и в щель просунулась белокурая голова.

– Проводи товарища адвоката к подозреваемому.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – голова так же быстро скрылась, за ней ушёл и адвокат.

– Ну что ты думаешь? – вопросительно уставился Панюков на Виктора.

– Думаю, что у нас новый всяк. Дениска знает своё дело, а тут никаких улик против этого... актёра, – со вздохом откинулся Виктор на спинку скрипучего стула. А перед мысленным взором вновь возникли тонкие белые пальчики на детской ладошке.

– Вот и я так думаю, – кустистые брови сдвинулись ближе,

а между ними пролегла скорбная морщинка.

Как они и предполагали, прокурор дело не пропустил. Хитрый лощёный лис, за глаза получивший в отделении нелестное прозвище «адвокат Дьявола», предоставил суду характеристику с места жительства задержанного, где описывают того как тихого и спокойного парня, ни в чём дурном и противозаконном не замеченного, ведущего скромную, тихую жизнь. По месту работы Мирошкина также хвалят, характеризуют как прилежного, ответственного работника. Не судим, не привлекался. Соседями потерпевших уличён в каких-либо скандалах также не был. Складывалось стойкое впечатление, что либо он действительно ни при чём, либо он преступный гений, сумевший искусно всё скрыть и выйти сухим из воды. А может, ему просто повезло. Обвинению противопоставить, кроме догадок и домыслов, было нечего, и вскоре обвиняемый был отпущен за недостаточностью улик. Не раскрытое дело же о жестоком двойном убийстве легло на полку в архиве на долгое, долгое время.

Глава 7

1996 год

С самого утра ей нездоровилось: тошнота порой нещадно скручивала всё тело, заставляя желудок подпрыгивать к самому горлу. По дороге в город она пристроилась у открытого окна рейсового автобуса, моля Бога, чтобы дал сил сдержаться и не вывалить в клубящуюся пыль остатки своего завтрака. Хотя его, наверное, и так уже не осталось.

На работе Олеся тенью бродила вдоль стеклянных витрин, то и дело срываясь в подсобку. Коллеги с жалостью провожали глазами хрупкую девушку, недавно ещё такую бодрую и энергичную, а теперь бледную и трясущуюся, с тёмными кругами вокруг потускневших глаз. В стороне же тихонько шушукались девичьи стайки, перемывая косточки юной коллеге. Наконец, над ней сжалились и отпустили домой.

Взбивая придорожную пыль открытыми босоножками, Олеся медленно брела вдоль дороги, едва замечая проносящиеся мимо редкие автомобили. О том, чтобы сейчас поймать попутку, не было и речи. Тошнота не спешила отступить, и девушка решила пройтись немного пешком в надежде, что свежий воздух поможет ей справиться с жестокими спазмами. Ждать рейсовый на посёлок слишком долго, а попутку остановить можно в любой момент. Она не раз уже пользовалась услугами частников, как, впрочем, и многие

односельчане.

Дорога гладкой широкой лентой убегала вперёд, гибкой змеей исчезая за поворотом. По сторонам, приветливо качая кронами, шумели деревья. Густой лес щекотал ноздри ароматами лета, завлекал тенистой прохладой и сладкоголосыми песнями птиц. Порывистый забияка приятно трепал волосы, слегка остужая разгоряченную влажную кожу. Однако даже под сенью пушистых деревьев невероятно пекло. Полуденная духота заставила лёгкое платье скрутиться тугом коконом и плотно облепить стройное тело. А казавшаяся на первый взгляд такой воздушной ткань не позволяла свободно дышать вспотевшему телу. «Хорошо, что я сегодня без каблуков», – пронеслось в голове, и в который уж раз Олеся утёрла со лба непослушные солёные капли.

Уйдя глубоко в мысли, она мерно шагала вперёд, напряжённо подсчитывая в уме сроки задержки месячных. По всему выходило, что, скорее всего, её внезапная хворь связана с чудом зачатия. Об этом твердили и чёткие две полоски на маленьком тесте. Мимолётный испуг от внезапной догадки сменила робкая надежда. Нет, этого не может быть... Тот, другой, никогда не узнает.

Неужели она будет мамой? Олеся замерла, и невесомая серая взвесь недовольно окутала ноги. Задумчиво опустив голову, девушка взглянула на свой плоский живот, представляя, как тот округлится, распухнет, вмещающая в себя крохотное существо. Сердце тут же наполнилось нежностью, а в глазах

защищали счастливые слёзы.

Как долго брела она так, предаваясь мечтам, представляя удивление в глазах мужа, когда она назовёт его папочкой, Олеся не замечала. Время для девушки потеряло значение, а в голове билась лишь одна мысль. «Боже мой», – задыхалась она от счастья. Ребёнок! Неужели такое возможно? С ней... Об этом можно было только мечтать.

Женаты они уже больше двух лет, но долгожданный аист почему-то не спешил разукрасить волшебными красками их спокойный семейный уют. А теперь... Она гнала прочь от себя мысли о том, что могла ошибаться. А услужливое воображение уже возводило воздушные замки счастливых мгновений перед мысленным взором девушки, и Олеся, отбросив сомнения, с головой погрузилась в мечты.

Позади раздался басовитый гудок, и сердце Олеси беспомощно сдалось. «Нет, только не он, не сейчас!» – взмолилась она всей душой. Громоздкий грузовик промчался мимо неё, взбивая колёсами сухую дорожную пыль. Вместо того, чтобы пролететь дальше, он резко затормозил и лихо подался к обочине. Не прекращая тихонько урчать, железный зверь замер, нетерпеливо подёргиваясь. Он будто бы подобрался в готовности к стремительному рывку на финишной прямой к вожделенному призу. Проходя мимо кабины, чей когда-то небесно-голубой цвет давно потерялся под дорожной пылью, Олеся испуганно вскинула голову и встретилась взглядом со смеющимися глазами водителя. Тот ловко взлохма-

тил кудрявую чёлку и широко улыбнулся. Увидев перед собой приятного незнакомца, она облегчённо вздохнула.

– Не устала, красавица? Далеко забралась, подвезти? – молодое открытое лицо, добрый прищур и забавная ямочка на подбородке вконец обезоружили девичье сердце, и она, улыбнувшись в ответ, неуверенно кивнула. А действительно, далеко же она отошла от окраины города в своих розовых грёзах. Склонив на бок хорошенькую головку, Олеся внимательно прислушалась к организму: не хотелось бы невзначай нелепо испачкать салон. Водитель тем временем перегнулся через сиденье и услужливо распахнул пассажирскую дверцу. С удовольствием отметив, что тошнота наконец отступила, Олеся поспешно забралась в машину. Дверца тут же захлопнулась, отсекая её жизнь от привычного светлого мира. Последний раз глянув в окно, она повернулась к водителю и утонула в восторженном взгляде.

– Ну что, полетели? – расплылся тот в белозубой улыбке и, лихо крутанув руль, газанул. Урчащая громадина будто бы этого и ждала. Надрывно взревев, махина дёрнулась и с места рванула вперёд. Казалось, вот-вот, и раскинутся мощные крылья, и Икарus умчит в небеса.

Олеся устало откинулась на мягкую спинку и блаженно расслабилась. По натруженным мышцам пробежала колкая дрожь, сводя лёгкими спазмами, ускоряя поток жгучей крови. Только сейчас девушка поняла, насколько устала. А вдруг для малыша вредно так напрягаться? Как же раньше она

не подумала, уже села б в попутку и давно была дома, в нежных руках счастливого мужа. Положив ладони на плоский живот, она вновь погрузилась в мечтания. От цепкого взгляда водителя не укрылось это движение, и он тоже расплылся в довольной улыбке, но только уже о своих, совсем иных мечтах.

Утомлённая жарой и усталостью девушка сама не заметила, как задремала. Проснулась она оттого, что мерная убаюкивающая тряска исчезла. «Наверное, приехали», – ленивая мысль всколыхнулась и увязла в ватной голове. Олеся разлепила тяжёлые веки и раскрыла было рот, чтобы поблагодарить благородного рыцаря, как глаза её в ужасе расширились, а сердце каменной птицей ухнуло вниз. В следующее мгновение она почувствовала, как череп треснул от сильного удара, и струйки крови весело прочертили алые дорожки по стремительно бледнеющему лицу, увязая и путаясь в длинных светлых локонах. Глаза подёрнулись дымкой, со страхом и непониманием остановив взгляд на лице палача. Густые лужицы крови стекали по щекам в раззявленный рот и пачкали лёгкое строгое платье. На яркой зелёной материи, словно на летнем лугу, расцветали багровыми пятнами скорбные маки.

Отбросив назад монтировку, мужчина взвыл раненым зверем и запустил дрожащие пальцы в разом вспотевшие кудри. Он беспомощно сжал кулаки, вырывая с корнями отросшие волосы... Пот градом катился за ворот рубашки,

по вискам, по щекам, смешиваясь в единый поток со слезами отчаянья.

– Нет... Нет... Я не хотел! Как же так? – глухо выл он, нервно качаясь в тесной кабине. – Фея, моя прекрасная фея! Прости, прости! – повернулся он к мёртвому телу. Вцепившись побелевшими пальцами в плечи несчастной, он в отчаянии попытался встряхнуть её, но та лишь безвольным кулем повалилась вперёд. Как же он так перестарался. А ведь всего-то и надо было лишь оглушить фею. А теперь её сказочный свет и вовсе потух.

Размазывая по щекам тёплую влагу, он, всхлипывая, распахнул водительскую дверь. В салон тут же ворвалось полуденное пекло. Листва весело шелестела, перешёптываясь между собой, танцуя на лёгком ветру. Солнечные зайчики задорно плясали по голубой кабине, нороя попасть прямо в глаза незадачливому убийце. Они будто бы соревновались, кто первый оттолкнётся от горячего железа и ослепит незваного гостя. Им было всё равно на разыгравшуюся трагедию, так жестоко прервавшую чьи-то мечты.

Отмахнувшись широкой ладонью от очередного забияки, водитель глубоко вдохнул полной грудью пахучий лесной воздух и судорожно выдохнул. Безуспешно пытаясь усмирить мелкую дрожь и взять себя в руки, он закрыл глаза и застыл, стараясь отрешиться от грешного мира, от жестокой реальности и своей бестолковости. Надо же, так глупо не рассчитать силу удара и уничтожить надежду на счастье.

Слушая разноголосый залиvistый щебет, пробивающийся сквозь гулкое уханье сердца, он медленно успокаивался. Ничего, он найдёт ещё одну, и тогда... Зловещая улыбка растянула дрожащие губы. По напряженному телу прокатилась волна предвкушения. И, отбросив прочь мрачные мысли, он твёрдой рукой распахнул пассажирскую дверцу.

Глава 8

Человек предполагает, а Бог располагает. С отпуском так ничего и не получилось. Едва Виктор успел поставить точку в одном деле, как на город обрушилась новая напасть. Без вести пропала молодая девушка. Её муж, не дождавшись жены с работы, сам кинулся на поиски. Выяснив в магазине, где та работала, что супруга давно ушла, а значит, должна быть уже дома, мужчина помчался назад. Не обнаружив её в уютном домике, он безрезультатно обзвонил всех подруг и знакомых и только тогда обратился в милицию. По горячим следам девушку найти не удалось, и оперативники несколькими бригадами принялись прочёсывать лес. Несмотря на все стянутые силы, следов юной продавщицы так и не нашли.

Работала та в небольшом магазинчике на окраине города. Добиралась до дома обычно последним автобусом, а на остановке её уже встречал муж. В тот день покупателей было мало, а девушке нездоровилось, и её отпустили пораньше. Но домой Олеся так и не попала. Стройная доверчивая девушка с озорным взглядом словно испарилась на ухабистой грунтовке вдоль густого леса.

А утром Виктору позвонил сам майор Панюков, давно уже занявший место начальника отделения вместо ушедшего на пенсию Туполева. Панюков на днях сам подписал Виктору заявление на отпуск и теперь мог того только просить

отложить свои планы на время. Думал Виктор недолго, глубокое уважение к старшему товарищу, прошедшему с ним весь его послушной путь от желторотого сержанта до капитанских погон, тоже сыграли немаловажную роль.

И, пробежавшись пальцами по гладкому перламутру тайной улики, присвоенной им с места преступления прошлого дела, Виктор вновь ощутил волну теплоты, исходящую из странного артефакта. Прикрыв глаза, он с наслаждением окунулся в незримый поток, каждой клеточкой своего существа отзываясь и принимая чужую энергию. Но время не терпит. И, нехотя оторвавшись от маски, Виктор сунул её под подушку и направился в душ.

В управлении стоял басовитый гул. Все оперативники были подняты по команде и участвовали в поисках молодой девушки. Виктор со своей бригадой отправился опрашивать соседей и знакомых Олеси, но никто девушку не видел. Как сквозь землю провалилась. Проведя весь день в тщетных поисках, Виктор устало сгорбился в своём кабинете, один-одинёшенек. Угрюмо почесав затылок, он облокотился локтями на стол и внимательно всмотрелся в листок с фотографией пропавшей. На него весело глядела девушка, совсем ещё девчонка. Мягкий овал лица, точёные брови и добрая улыбка. А ещё ямочка на левой щеке. Ну что с ней, такой наивней и домашней, могло случиться? В бессилии он грохнул кулаком о стол и крепче стиснул заломившие челюсти.

Версию о том, что Олеся сама скрылась, бросив супруга, Виктор сразу отмёл. К этому не было никаких предпосылок. Супруги недавно поженились и нежно любили друг друга. Все соседи наперебой хвалили приятную пару и не могли рассказать про них ничего плохого.

В дверь тихонько постучали, и в кабинет заглянула ухоженная женщина.

– Вы к кому? – оторвался Виктор от созерцания фото пропавшей.

– Я к следователю. Мне позвонили... Олеся... Она у нас в магазине работала, – разволновалась женщина, так и застыв в раскрытых дверях.

– Да вы заходите, присаживайтесь, – внимательно осмотрев гостью, Виктор задумался. Симпатичная, лет тридцати пяти, может, сорока. С высокой аккуратной причёской, приятной улыбкой и встревоженным взглядом аккуратно подведённых умных глаз. Строгий бежевый костюм плотно обтягивал стройную, но не худую фигуру, а из-под пиджака выглядывал отглаженный белый воротничок шёлковой блузки. Женщина послушно вошла в кабинет, глухо тукая каблучками по истёртому линолеуму.

Виктор мысленно присвистнул: ей бы по подиуму ходить, а не смущать одиноких милиционеров своей гордой осанкой.

– Здравствуйте. Я Валентина. Валентина Петровна Сомова. Заведующая продуктовым магазином, где работала Олеся, – приятным грудным голосом представилась та.

– Капитан Воронков. Валентина Петровна, что вы можете сказать мне о том дне? Может быть, вы что-то заметили? Что-нибудь подозрительное?

– Подозрительное... – женщина как-то замялась. И, смахнув с выразительных глаз несуществующую слезу, доверительно наклонилась вперёд.

– Да, я помню тот день. Олеся уже пришла на работу какая-то зелёная. Сказала, что ей нездоровится. Девочки присматривали за ней, мало ли что, и периодически сообщали мне о её отлучках с рабочего места. А уходила она, скажу я вам, часто, – холёными длинными пальцами с острыми розовыми ноготками женщина нервно постучала по столешнице и, снова гордо выпрямив спину, выжидательно уставилась на Виктора. Тот степенно записывал на чистый лист все её показания.

– Вы продолжайте, я слушаю. Так что вызвало у вас подозрения? – вскинул голову следователь и снова склонился над записями.

– А вот это и вызвало, – нервно сцепила она в замок пальцы и, не зная, куда деть напряжённые руки, устроила их у себя на коленях. – Никогда она так себя не вела, – выдохнула женщина и поджала покрашенные розовым перламутром пухлые губы. – А в тот день бегала на улицу буквально каждые полчаса. И, знаете, я думаю, ей действительно не здоровилось.

– Почему вы так решили? – вскинул голову Виктор. В се-

рых глазах аппетитной красотки светились решимость и понимание.

– Так я женщина, товарищ следователь. А Олесю рвало, вот она и сбегала на улицу, пряталась за углом, чтобы не отпугнуть покупателей. Понимаете, люди же, им не объяснишь, что она вовсе не отравилась товарами в магазине. Началась бы паника, нервы, скандалы. А кому это надо? Ни нам, ни ей, ни, Боже упаси, покупателям. Вот когда к обеду она так и не пришла в себя, я решила её отпустить. Пусть отдохнёт дома, сил наберётся. Хотя это так быстро не лечится, понимаете? – пристальный взгляд её прожигал самое сердце.

– Нет, объясните мне, – откликнулся Виктор, отвечая внимательным взглядом на взгляд.

– Ну, конечно, мужчины, разве вы можете догадаться? Вероятно, что она просто беременна. Вся эта тошнота по утрам, рвота, постоянные головокружения. А ещё девочки видели, как Олеся ходила в аптеку. Это же элементарно! – с чувством выполненного долга Валентина Петровна расслаблено откинулась на жесткую спинку.

– Ну, допустим, нам это всё равно ничего не проясняет, – в замешательстве выдохнул Виктор. – Куда же могла пойти девушка?

– В этом я вам не смогу помочь, – покачала прелестной головкой заведующая, поймав золотыми колечками в маленьких ушках задорные блики солнечных проказников. – Ушла она рано, автобуса ждать не стала, да и какой ей автобус, если

желудок выворачивается наизнанку. От нас пошла пешком, как всегда, по объездной, а дальше уж мне неизвестно. Мужа её я не знаю, но Олеся рассказывала, что после работы он всё время встречал её. Только не в этот раз, полагаю. Он не мог знать, что я её отпущу, и ей придётся добираться до дома пешком. Больше мне ничего не известно. Девочкам тоже, так как больше из магазина не отлучался никто. Я даю гарантию за моих девочек, – вновь породистая гордость в аристократической осанке дала о себе знать, и женщина вскинула голову.

– Хорошо, Валентина Петровна, – отозвался Виктор, протягивая ей густо исписанный лист, – прошу вас ознакомиться с протоколом допроса и внизу подписать «С моих слов написано верно. Мною прочитано.», сегодняшнее число и вашу подпись.

Пока женщина внимательно изучала написанный текст, Виктор внимательно её рассматривал. Статная, красивая и холёная, она выглядела потрясающе для своих лет. И должность заведующей магазина отлично ей подходила. Но ничего, проясняющего пропажу Олеси, Виктор из слов её начальницы так и не узнал. А интересное положение девушки следствия не касалось.

Когда за женщиной закрылась дверь, Виктор снова сжал в пальцах кусочек картона.

– Так где же ты, Олеся? – прошептал следователь, пристально вглядываясь в лицо. Будто бы ожидая, что вот-вот она встрепенётся, рассмеётся и поведаёт сыщику свои сек-

ретики. Но картинка хранила безмолвие, и упрямо молчала ментовская чуйка.

Со вздохом Виктор положил фотографию обратно в папку и, энергично потерев уставшие веки, стал собираться домой. Он, конечно, мог бы заночевать и в кабинете, не впервой, но дома ждала она – прекрасная маска из перламутрового самоцвета. Руки уже чесались от желания вновь прикоснуться к вожделенной вещице, почувствовать под пальцами биение чуда, приложить тёплым глянецом к уставшему лицу и улететь в бескрайние дали жаркого юга. Умом Виктор понимал, что это просто великолепные картины его разыгравшейся фантазии. Что не могла маска на самом деле переносить его сущность через моря в далёкую Африку, но всё же с жадностью ловил сладкие моменты непонятого волшебства, точно зная, что никогда в жизни простому милиционеру не побывать в иностранном государстве. Особенно сейчас, в сложные и опасные девяностые. Виктор встал, потянулся, разминая затёкшую спину, как вдруг в дверь снова постучали. Он замер, прислушался, а не показалось ли ему. Робкий стук повторился, и, со вздохом плюхнувшись на не успевший остыть ещё стул, Виктор поморщился. Пальцы сами взметнулись к переносице. Привычный жест успокоил и помог ему вновь сосредоточиться на работе.

– Войдите, – гость не заставил себя долго ждать. Вернее сказать, гостя. В кабинет, нервно теребя в руках сумочку, робко вошла стройная высокая блондинка. Вид она имела

очень взволнованный. Виктор удивленно приподнял бровь и вопрошающе уставился на посетительницу.

– Вы ко мне?

– Здравствуйте, я не знаю, дежурный послал к вам, – Виктор снова нахмурился и недовольно покосился на телефон.

– Он звонил, но у вас трубка, наверное, плохо лежит, – виновато залепетала девушка, проследив за его взглядом. Виктор молча поднял трубку и снова опустил её на рычаг. Телефон жалобно тренькнул, с готовностью отзываясь на привычные действия.

– Хм, – Виктор растерянно потянулся пальцами к подбородку и внезапно потёр зачесавшуюся верхнюю губу, – а вы по какому вопросу?

– Понимаете, я Катя, Катя Светлова. Мы с Олесей вместе работаем, ой, работали! – всё быстрее тонкие пальцы тербли несчастную сумочку. В голубых глазах гостьи сквозили печаль и растерянность. Она всё порывалась что-то сказать, но никак не могла решиться.

Заинтригованный Виктор откинулся на спинку стула и сложил на груди руки.

– Ну-с, я вас внимательно слушаю, Катя Светлова, – уперся он в девушку пристальным взглядом. Та ещё больше смутилась. Щёки блондинки покрылись пунцовыми пятнами, а взгляд нервной пташкой заметался по кабинету.

Про себя усмехнувшись, Виктор, однако, держал строгую мину. Он всё ждал, когда же девица решится открыть ему

причину своего позднего визита. Но та всё молчала, неловко кусая пухлые губы, и Виктор, уставший от детских игр в гляделки, подался вперёд.

– Катя, вы, наверное, пришли мне помочь с расследованием? Вам что-то известно о пропавшей подруге? Вы не стесняйтесь, я же следователь. А нам, как врачам, не стыдно рассказывать всё.

Девушка смотрела на него растерянно, было отчётливо видно, что её что-то по-настоящему встревожило. Ещё немного помявшись, преодолевая смятение чувств, она наконец-то решилась.

– Да, я кое-что знаю, но это не моя тайна. Понимаете? Обещайте, что не расскажете мужу Олеся? – нервный танец ухоженных пальчиков замер, и девушка стиснула сумку.

– Не имею право открывать тайну следствия ни мужу, ни жене, как, впрочем, и любым другим родственникам, – холодно отчеканил Виктор, наблюдая, как Катя наконец-то расслабилась.

– Хорошо, я вам всё расскажу. А вы поймите его и обязательно накажите, – брови Виктора удивлённо взметнулись, и он весь превратился в слух.

– Олеся пришла к нам не очень давно и как-то сразу влилась в коллектив. Сотрудников у нас не так много, и мы стараемся всегда поддержать друг друга, помочь, подсказать. Работаем мы в продуктовом, и, конечно же, приходится часто общаться с людьми. Мы, продавцы, лицо магазина

и со всеми должны быть вежливы и приветливы. Вот и Олеся старалась, как могла. Всегда улыбалась покупателям, не грубила. Получилось так, что она приглянулась одному человеку. Вы не подумайте, она не такая, она мужа любит. А тут так некрасиво вышло. Олег нам хлеб каждый день возит. Высокий такой, видный парень, – Виктор едва не подпрыгнул на стуле, не сводя глаз с блондинки. Чутьё его вопило, как потерпевшее, только что под зад не пинало. Он нетерпеливо поёрзал на стуле, но девушку перебивать не стал.

– Мне, если честно, он раньше тоже нравился, но знаете, каким оказался? Как бы назвать его вам попримечней? Кобель, каких свет не видывал. – бледная кожа на лице девушки вновь расцвела алыми маками. – Понимаете, у нас с ним тоже одно время намечался роман, но не срослось. Только поймите меня правильно, – Катя взволновано подалась вперёд, облокотившись о стол своим плотно обтянутым шёлковой блузой впечатляющим бюстом, – не подумайте, я не ревную. Если б вы только знали, что он сделал, – в огромных глазах гостьи вспыхнула боль, обида и.. ненависть?

– Что же он сделал? – бестактный вопрос выскочил быстрее, чем Виктор смог его осознать. И тут же злоба во взгляде девицы сменилась испугом.

«Так!» – интерес к гостье у Виктора всё возрастал.

– Катя, что вы скрываете? Этот Олег, он вас чем-то обидел? – та, закусив нижнюю губу, неистово затрясла головой. – А кого, Олеся? – решил надавить слегка Виктор, не оставляя

пути к отступлению. Катя, казалось, этого и ждала. Подняв на милиционера жалобный взгляд, она тихо шепнула:

– Да. Она рассказала мне. А я сразу поверила. Я знала, что он такой. Он частенько приезжал к нам в обед после того, как развезёт хлеб по магазинам. Сначала он просто заигрывал с ней, флиртовал и шутил. Потом они стали вдвоём шептаться в сторонке. Я понимаю, он со всеми так раньше. Я хотела предупредить Олесю, но она и слушать меня не стала. Не поверила. Он же красивый, хороший. Уверяла меня, что они просто друзья, ведь у Олеси был муж. Я и отстала. Зачем лезть к ней в душу, в конце концов, она уже взрослая, должна сама понимать... Ведь мог и он измениться... Но нет, это всё же случилось.

Где-то пару недель назад, точно не помню, она не пришла на работу. А на следующий день, выглядела просто ужасно. На ногах и руках синяки, а сама бледная, испуганная, в глазах слёзы. Я тогда тихонько у неё спросила, что случилось. Она долго не хотела признаваться, отпиралась, врала, мол, по дороге домой споткнулась, упала и расцарапалась. Отсюда синяки и ушибы. Я, конечно, уже видела ложь и подозревала, что случилась беда, но хотела, чтобы Олеся сама рассказала. А вот когда, как обычно, приехал Олег, тут я всё и поняла. Олеся при виде его как-то сжалась и в панике скрылась в подсобке.

Я потом всё равно всё узнала, – затаив дыхание, Виктор внимательно слушал историю девушки, ловил каждый звук,

каждую эмоцию чуткой рассказчицы, а в груди разрасталась чёрная злоба.

– Вот оказалось, чем болела Олеся, когда не пришла на работу. Как обычно с утра она вышла на остановку и приготовилась ждать автобус. Вы же знаете, как они тут ходят? – Виктор кивнул. – Конечно же, все это знают. А на остановке, как обычно, толпа. И тут вдруг к ней подходит Олег и предлагает подвести. Какая удача! – горькая ирония в голосе Кати полоснула Виктора по ушам. – И что вы думаете? Конечно же, она согласилась. Даже обрадовалась, ведь, я уверена, в глубине души он ей нравился, совсем не как друг, – Катя опустила глаза, пытаясь скрыть горечь, всколыхнувшую синеву влажного взгляда.

Виктор вдруг ясно почувствовал, что печаль девушки вызвана не только обидой за подругу, но и за саму себя тоже. Что же сотворил с ними этот доморощенный Аполлон? И не с этим ли связано внезапное исчезновение Олеси?

– Но он не повез её в магазин, – едва слышно зашептала Катюша, – вместо этого он завёз её глубоко в лес и... Вы не подумайте, она отбивалась, все эти синяки и ссадины от его грязных лап. Он же сильный! Куда уж нам справится? – Катя сама не заметила, как выдала свою тайну. Виктор сразу сообразил, что скрывается за болью во взгляде молоденькой продавщицы. Сказалась профессиональная привычка в каждом слове искать тайный подтекст, на то он и сыщик. Но девушку своими догадками Виктор тревожить не стал.

Не для того она пришла сегодня к нему, чтобы писать заявление на насильника, а за тем, чтобы помочь попавшей в беду подруге. А с этим Олегом он обязательно встретится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.